

К ЭПИЛОГУ КРЕСТЬЯНСКИХ БУНТОВ.

С харьковскими и полтавскими процессами закончится весь эпизод весенних «бунтов». Теперь уже всякому должно быть ясно, что чиновничья и помещичья Россия совершенно неправильно приписала революционной агитации ответственность за случившееся. Совершенно неправильно прежде всего потому, что, как ясно вытекает даже из материала, собранного обвинительными актами по крестьянским процессам, недавнее движение было непосредственно вызвано крайним обострением хронической нужды систематически и бессовестно ограбляемых крестьян.

Об участии «агитаторов» в возбуждении крестьянских «бунтов» обвинительные акты ничего не говорят, если не считать отмеченного в обвинительном акте по делу о разгроме экономии Рабича показания подсудимых крестьян, которые, «упомяная о своей крайней нужде, высказались, что действовали по примеру соседних деревень Полтавской губ., где, как они слышали, появлялись „студенты“, которые или учили народ, что ему дано право пользоваться имуществом „панов“, или даже сами, предводительствуя толпой, производили взломы амбаров и приглашали крестьян к их расхищению». Нигде в актах нет и речи о том, чтобы предводителями толпы при разгромах являлись революционеры. Такими предводителями бывали или местные же крестьяне или прибывшие из «бунтовавших» местностей.

Что среди крестьян местами велась пропаганда — в этом нет сомнения. Верно и то, что вызванное крайней нуждой возбуждение крестьян было значительно усилено смутными слухами о городских волнениях, отразившихся в умах крестьян как борьба «студентов». Но все это говорит только о том, что русское крестьянство, несмотря на китайскую стену, которою самодержавие его отрезало от культурной России, — начинает если еще не жить историческою жизнью, то уже прислушиваться к ней. И если при этом вся веками воспитанная крестьянская темнота резко дает себя знать в формах проявления мужичьего недовольства, то нелепо ответственность за эти формы взваливать на те первые лучи политического сознания, которые пытались внести в эту среду революционная пропаганда. Не новая Россия с ее гражданскими формами и с ее классовым самосознанием сказалась в этих стихийных вспышках; в них проявила себя — вероятно, еще не в последний раз — старая Россия с ее азиатскими формами политических отношений, с ее дореформенными политическими горизонтами, с ее стадной импульсивностью, далекой от правильного представления о соотношении между целью и средствами.

Испуганному уму собственника картина расхищений «панского» имущества представляется первым практическим приложением учений социализма. Но это неверно. Социализм никогда не призывал «делить» богатства эксплуататоров. «Дележ», — говорит Каутский («Эрфуртская программа»), — это — социализм мелких производителей, это — социализм так называемых „консервативных“ слоев народа, это не есть социализм пролетариата крупной промышленности». Не вышедшее еще из круга предрассудков, воспитанных условиями существования мелкого самостоятельного хозяйства, крестьянство, естественно, видит свое спасение от нищеты в разделе тех земельных богатств, которые захвачены помещиками и служат в их руках ближайшим образом средством закабаления крестьян. Как отмечает там же Каутский, этот прием «дележа» захваченных монополистами богатств крестьяне неоднократно применяли на деле. «Всего только сто лет назад — во время французской революции, которая так резко подчеркивала право частной собственности — ремесленники и крестьяне совершили раздел церковных имений». Этот раздел, как известно, всего менее способствовал устранению капитализма; напротив, он послужил одним из средств преобразования феодального строя в буржуазно-капиталистический. Не иначе отразился бы на современной России и раздел между крестьянами даже всей помещичьей земли. Этот раздел послужил бы сильнейшим толчком к развитию товарного производства, внутреннего рынка для фабричной промышленности, а, след., к дальнейшему разложению крестьянской массы, росту в ней классовых противоречий и классовой борьбы. В конечном счете он создал бы благоприятные условия для развития социалистического движения, но сам по себе он был бы не методом осуществления социализма, а методом развития буржуазного строя на развалинах вымирающего крепостного. Если поэтому организуемое социал-демократией классовое движение пролетариата встречает на своем пути в современной России нерешенный историей вопрос о стремлении многомиллионного крестьянства решительно развязаться с вековым гнетом помещного землевладения; если в этом своем стремлении крестьянство не выходит — и в целом еще не может выйти — из круга по существу буржуазных представлений о разделе, равенстве и т. п., то, далекая от священного трепета собственников перед такою «грубостью простонародья» социал-демократия одинаково далека от вульгарно-«социалистической» идеализации этих стремлений. С точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата, — единственной борьбы, ведущей к освобождению человечества, — она взвешивает социальную и политическую ценность всех возникающих в современной России общественных движений, берет на себя поддержку всего того в них, что содействует

общественному развитию, подхватывает все те требования разных общественных классов, которые таят в себе революционную борьбу против учреждений и порядков, стоящих на пути развития пролетарской классовой борьбы, освобождает эти требования от налипшего на них в процессе исторического развития покрыва мистических и реакционных представлений, тем самым связывая эти требования с основным великим «национальным» требованием дня — с задачей гражданского и политического раскрепощения русского народа, и доводит до логического конца революционные и демократические элементы этих требований. Она не скажет крестьянам, что осуществление их притязаний на панскую землю будет началом конца всякого буржуазного развития, началом конца всякой эксплуатации человека человеком. Она не скажет этого, потому что сказать это — значило бы вдаваться в демагогию и дурачить крестьянство. Напротив, она скажет ему (и рабочему и «обществу»), что осуществление его стремлений к прирезке земли может, при известных условиях, избавить его от мучений докапиталистической, кабальной эксплуатации, но не разрешит вопроса о той общей буржуазной эксплуатации, которая тяготеет над всеми трудящимися массами и обуславливает собой содержание социалистического рабочего движения. Она поддержит крестьянские требования об экспроприации земель, служащих средством поддержания кабальных, полукрепостнических общественных отношений, и поможет рациональной формулировке этих требований, но она никогда не опустится до того, чтобы в этих требованиях признать свой социалистический идеал и чтобы питать в крестьянстве веру в исцелимость всех его социальных недугов применением этого средства.

И с той же точки зрения социал-демократия должна отнестись к выставленному теперь с разных сторон требованию «национализации земли». В этом требовании она прежде всего усматривает попытку прикрыть социалистическим ореолом буржуазные требования «раздела» и «равнения», попытку дешевой ценой откупиться от кажущегося противоречия между нашей социалистической конечной целью, требующей объединения средств производства в руках общества, и ближайшими лозунгами дня, среди которых всего громче раздается крестьянское требование о «прирезке земли».

Недавно, на одном русском собрании за границей, оратор, громивший «Искру» за ее аграрную программу, сказал, что в настоящее время всякий политический шарлатан, который предложит крестьянам национализацию земли, будет иметь успех. Очень может быть. Но именно поэтому социал-демократия имеет все основания не спешить подхватывать этот соблазнительный лозунг. Мы слишком отчетливо представляем себе, какие общественные классы приобретут политическое господство в России на другой день после переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передаче в руки этих буржуазных классов распоряжения земельным фондом страны. А, с другой стороны, мы слишком хорошо понимаем всю психологию требования национализации. Мы знаем, что большинство русских социалистов, говорящих о ней, не дают себе отчета, в каком отношении это требование должно стоять к конечной цели движения. Сама по себе национализация земли далека

от того, чтобы быть преддверием к социалистическому строю, подобно тому, как переход в руки государства железных дорог или даже угольных шахт не есть еще само по себе начало осуществления социализма. Не устраняя капиталистических отношений и порождаяемой ею классовой борьбы, национализация земли только изменяет форму борьбы за владение одной частью средств производства, превращая ее в борьбу не с классом землевладельцев, а со всем капиталистическим обществом, владеющим землей (или рентой на землю). Поскольку такая перемена упрощает механизм социалистической борьбы пролетариата, она может считаться прогрессивной. Но другое дело, когда — а таков, несомненно, наш случай — национализация земли в представлении ее апостолов связана с упрочением и увековечением мелкого, изолированного крестьянского хозяйства, с подменой пролетарского социализма мелкобуржуазным индивидуализмом или кооператизмом. Говоря, что национализация обобщает нынешние требования русских крестьян о «прирезке» земли, наши демократы и «соц.-рев.» тем самым признаются, что им эта национализация нужна именно для поддержания если не самого крестьянского «самостоятельного» хозяйства, то, по крайней мере, крестьянских предрассудков об укреплении такого хозяйства при капитализме.

Если же при этом, полемизируя против нас, говорят, что наша ближайшая революция будет не буржуазной, а демократической, хотя и не социалистической, то это несравненное возражение окончательно выдает с головой возражающих, свидетельствуя, что их ближайшим идеалом является мелкобуржуазный уклад крестьянского хозяйства, «ограничивающий» (в их представлении) господство капитализма, неизбежность дальнейшего развития которого уже не отрицает ни один «соц.-рев.». Социал-демократия не может приложить своих рук к делу одурачивания мужика уверениями, что ближайший политический переворот, при условии национализации земли, обеспечит ему безмятежную обитель в царстве развивающегося капитализма. Поддерживая и помогая ему формулировать его требования о «прирезке», она не станет скрывать, ни от себя ни от него, паллиативного характера этих требований и полной совместимости с нормами буржуазного строя тех методов «раздела» и частичной экспроприации, которыми могут быть достигнуты эти прирезки; она не станет замалчивать того для нее несомненного факта, что для «трудового крестьянства» задача социального освобождения неразрешима вне задачи социального освобождения пролетариата, вне социальной революции.

Русское рабочее движение начинает политически формироваться в то время, когда история еще не разрешила тех свойственных докапиталистической эпохе общественных вопросов, которые не могут быть разрешены без применения таких — непосредственно «несоциалистических» — методов политической борьбы, как «раздел», частичная экспроприация, как сословное восстание против привилегированного сословия туземцев, как «общенациональное» движение «народа» против учреждений, временно пригнетающих и буржуазные, и пролетарские, и промежуточные элементы этого народа. Закрывать глаза на этот факт значило бы проявлять крайнюю близорукость. Но выбрасывать из-за этого факта за

борт все то, что дает нам наше социалистическое сознание, было бы политическим авантюризмом. Поддерживая борьбу революционной и оппозиционной интеллигенции с самодержавием, мы никогда не опустимся до того, чтобы уверять (или верить), будто ее политическое движение тождественно с борьбой против классового господства; руководя стачечной (профессиональной) борьбой рабочих масс, мы не станем поддерживать предрасудка, будто эта борьба сама по себе приведет к освобождению рабочего класса. И, помогая крестьянству вести успешную борьбу с крепостниками, мы не станем сеять вредных иллюзий о значении этой борьбы, не станем повторять за соц.-револ., будто бы объединение этого крестьянского и нашего рабочего движения достигнуто «навечно нерушимо» тем фактом, что рабочий-революционер стреляя в палача крестьян—Оболенского. «И отныне чистой кровью Фомы Кочуренко навеки связана крестьянская и рабочая борьба», повторяет «Народное Дело»¹ (№ 2, стр. 19). Кровь рабочих смельчаков, как Кочур², очень дорога нам, но мы позволим себе все же высказать ту кощунственную мысль, что такой дешевой ценой та связь, о которой говорят соц.-револ., не может быть достигнута даже в деле завоевания одной только свободы. Фраза «Народного Дела» выражает вздорную и вредную мысль. Не потому только, что по ее точному смыслу, если г. Плеве вздумается не казнить Кочура, а заключить его в Шлиссельбург, то связь между крестьянской и рабочей борьбой несколько ослабнет. Мысль, выраженная здесь, вздорна и вредна потому, что она является порождением все той же попытки спутать и воедино смешать задачи социал-демократического движения рабочего класса и демократической борьбы подавленных самодержавием других слоев народа, порождением все того же пренебрежительного отношения к политическому воспитанию, извлекаемому народными массами из долгой, упорной и открытой классовой борьбы. Так просто, как у соц.-револ., только «сказка сказывается», а не дело делается. Над делом же создания крепкой связи между «крестьянской и рабочей борьбой» придется поработать и крестьянству и рабочему классу. Рабочий класс должен стать во главе освободительного движения и громче и решительнее всех других борющихся отстаивать действительно прогрессивные интересы крестьянства. Крестьянство должно открыто поддержать политическую борьбу пролетариата. Что же касается до связи между крестьянством и пролетариатом в деле борьбы за социализм, то эта связь будет создаваться по мере того, как все большие и большие массы разоряемого капитализмом крестьянства будут переходить на классовую точку зрения пролетариата и сознавать, что только социалистический переворот освободит их от экономического рабства.

[Л. Мартов]

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И НАРОДНИЧЕСТВО, ВОСКРЕШАЕМЫЕ СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ.

Насмешка оказывает свое полезное действие. В статьях под названием «Революционный авантюризм» мы выражали твердую уверенность, что наши соц.-рев. не пожелают никогда прямо и точно определить свою теоре-

тическую позицию. Чтобы опровергнуть сие злостное и несправедливое предположение, «Рев. Россия» начинает в № 11 серию статей под заглавием «Программные вопросы». В добрый час! Лучше поздно, чем никогда. Заранее приветствуем все статьи «Рев. России» о «программных вопросах» и обещаем внимательно следить за тем, можно ли в самом деле вычитать из них какую-либо программу.

Присмотримся с этой целью к первой статье: «Классовая борьба в деревне», но сначала заметим, что наши противники паки и паки чересчур... «увлекаются», заявляя (№ 11, стр. 6): «наша программа выставлена». Неверно ведь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т. е. не только не дали законченного и официально-партийного изложения своих взглядов (программы в узком смысле слова или хотя бы проекта программы), но и не определили даже вовсе своего отношения к таким основным «программным вопросам», как вопрос о марксизме и его оппортунистической критике, о русском капитализме и о положении, значении и задачах порождаемого этим капитализмом пролетариата и т. д. Все, что мы знаем о «вашей программе», это то, что вы занимаете совершенно неопределенную позицию между революционной социал-демократией и оппортунистическим течением, с одной стороны, между русским марксизмом и русским либерально-народническим направлением, с другой.

В какие безысходные противоречия запутаетесь вы вследствие этой потуги сесть между 2 стульев, это мы вам сейчас покажем и на выбранном вами вопросе. «Мы не то что не понимаем, мы не признаем принадлежности современного крестьянства, как целого, к мелкобуржуазным слоям», — пишет «Револ. Россия» (№ 11). «Для нас крестьянство делится на две принципиально отличные категории: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы (!??), и 2) сельскую буржуазию, — среднюю и мелкую, — в большей или меньшей степени живущую эксплуатацией чужой рабочей силы». Видя «основной отличительный признак» класса буржуазии в «источнике дохода» (пользование неоплаченным трудом других людей), теоретики соц.-рев. усматривают «огромное принципиальное сходство» между сельским пролетариатом и «самостоятельными землевладельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства. «Основой существования тех и других является труд, как определенная политико-экономическая категория. Это раз. Во-вторых, те и другие в современных условиях безжалостно эксплуатируются. Они должны быть поэтому соединены в одну категорию трудового крестьянства».

Мы нарочно изложили рассуждение «Рев. России» так подробно, чтобы читатель мог хорошенько вдуматься в него и оценить его теоретические посылки. Несостоятельность этих посылок бьет в глаза. Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода — значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношения к средствам производства.

Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу.

Пойдем дальше. «Основой существования тех и других является труд, как определенная политико-экономическая категория». Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде. В другой форме здесь повторяется та же ошибка вульгарного социализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляют: «Существование взаимных отношений между сельским хозяином и батраком, с одной стороны, между самостоятельным земледельцем и заимодавцами, кулаками, с другой стороны, совершенно одинаково», то они целиком повторяют ошибку хотя бы немецкого вульгарного социализма, который, напр., в лице Мюльбергера, заявил, что существование отношений хозяина к рабочему то же, что домовладельца к квартиранту. Наши Мюльбергеры точно так же не способны выделить основных и производных форм эксплуатации, ограничиваясь декламацией по поводу «эксплуатации» вообще. Наши Мюльбергеры точно так же не понимают, что именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо-противоположные классы, и только с точки зрения этой классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в распылчатость и беспринципность. Наши Мюльбергеры поэтому должны встретить со стороны русских социалистов, дорожащих цельностью своего движения и

«добрым именем» своего революционного знамени, такой же решительный, беспощадный отпор, какой встретил Мюльбергер немецкий.

Чтобы яснее показать путаность «теории» наших соц.-рев., мы подойдем еще к тому же вопросу с практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопрос конкретными примерами. Во-первых, трудится и эксплуатируется везде, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазии. Почему бы иначе и относить ее к переходным и промежуточным слоям? Во-вторых, совершенно так же, как крестьяне в обществе товарного хозяйства, трудятся и эксплуатируются мелкие ремесленники и торговцы. Не хотят ли наши соц.-рев. создать также «категорию» «трудового» торгово-промышленного населения вместо «узкой» категории пролетариата? В-третьих, пусть попробуют соц.-рев., чтобы понять значение столь нелюбимой ими «догмы», представить себе подгородного крестьянина, который, не нанимая рабочих, живет своим трудом и продажей всяких сельскохозяйственных продуктов. Сеем надеяться, что отрицать принадлежность такого крестьянина к мелкой буржуазии и невозможность «объединить» его в один класс (заметьте, речь идет именно о классе, а не о партии) с наемным рабочим не решатся даже ярые народники. А есть ли какая-нибудь принципиальная разница в положении подгородного торговца-земледельца и всякого мелкого земледельца в обществе развивающегося товарного хозяйства?

Спрашивается теперь, чем объяснить это приближение (мягко выражаясь) гг. соц.-рев. к вульгарному социализму? Может-быть, это случайная особенность данного автора? Чтобы опровергнуть такое предположение, достаточно привести следующее место из № 11 «Рев. Россия». «Как будто, — восклицает автор, — здесь все дело в размерах одной и той же хозяйственной категории» (крупный и мелкий буржуа), «а не в принципиальном различии»

ПРИЗНАКИ «БЕЗВЛАСТИЯ» И «ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗЛОЖЕНИЯ» РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Письмо из Киева.)

Подоспело удобное время —
И в комиссию мрачный донос
На погибшее, блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержащим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечом правосудья разящим
Бусловия гидру сотри!».

Некрасов.

Перед нами чрезвычайно интересное литературное произведение: секретная докладная записка бывшего киевского цензора Б. М. Юзефовича⁵ «о мерах к прекращению студенческих волнений и беспорядков и к восстановлению нарушенного ими нормального течения школьной академической жизни». Эта записка издана в количестве 25 экз., «вместо рукописи», и, как упорно у нас говорят, на казенный счет; она разослана министрам, членам «Комиссии по пересмотру Университетского Устава», заседающей теперь в Спб., и, само собою разумеется, «повергнута к стопам».

Интерес этой «записки» заключается не в проникающем ее беззащитным духом ничем неприкрытого «негодяйства». С этой стороны личность г. Юзефовича чересчур известна и в этом отношении ему — автору утвержденного Боголеповым проекта «Временных правил» о солдатчине — ничем никого не удивить. Пристрастие у г. Юзефовича к партизанской войне с внутренним врагом, видимо, врожденное и перешло к нему от его отца, обесславившего себя мерзким предательством Костомарова и его друзей. Деятельность автора «записки» также изобилует подобного рода проявлениями верноподданнических чувств. Так, хотя бы его недавний донос на директора Киевской конторы Государственного банка, опального профессора г. Афанасьева, показывает, как верен этот назойливый ретроград отцовским заветам по части добровольного сыска. Приехав в прошлом году в Киев и случайно попав на лекцию г. Афанасьева о Мирабо⁶, г. Юзефович телеграфировал немедленно Сипягину, что по приезде в Киев он сразу наткнулся на призыв к революции. Последствием этого доноса было запрещение г. Афанасьеву читать публичные лекции, отмененное лишь после продолжительной переписки между министрами под влиянием угроз г. Афанасьева оставить занимаемую им должность. Не брезгая мелкими доносами, г. Юзефович занимается преимущественно писанием

(слушайте!) «двух категорий: трудового и буржуазно-капиталистического хозяйства!» Нам трудно было бы и представить себе более полное и наглядное подтверждение сказанного нами в статье «Револ. авантюризм»: «поскребите соц.-рев.—и вы найдете г. В. В.» Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с эволюцией русской общественно-политической мысли, позиция соц.-рев. выясняется из одной этой фразы. Известно, что основой того бледно-розового квази-социализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» и буржуазного хозяйства. Эта идея, в разных оттенках ее подробно разработанная гг. Михайловским³, В. В., Ник.—оном⁴ и др., была одной из тех твердынь, против которых направлялась критика русского марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо уметь отказаться от иллюзий и прямо взглянуть на действительность, разрушающую туманные мечты о трудовом хозяйстве (или «народном производстве»?) и показывающую нам мелкобуржуазный уклад крестьянского хозяйства. И у нас, как и везде, развитие и упрочение мелкого трудового хозяйства возможно лишь путем превращения его в мелкобуржуазное хозяйство. Это превращение, действительно, происходит, и на стоящая реальная тенденция трудового крестьянина к мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата, который связан с «хозяйчиками» целым рядом переходных ступеней полуробочих и полухозяев (эти переходные формы существуют во всех капиталистических странах и во всех отраслях промышленности).

Как же отнеслись соц.-револ. к этой смене двух течений социалистической мысли, к борьбе старого русского социализма и марксизма? Они просто-напросто пытались уклоняться, покуда можно было, от разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя, когда от людей, пожелавших создать особую «партию», потребовали определенных объяснений, когда их принудили к ответу, принудили и насмешкой и прямым обвинением в беспринципности,— тогда они только и стали повторять старую народническую теорию «трудового хозяйства» и старые ошибки вульгарного социализма. Повторяем: лучшего подтверждения нашего обвинения соц.-револ. в полной беспринципности, как статья в № 11, пытающаяся «соединить» и теорию «трудового хозяйства» и теорию классовой борьбы,— мы не могли и ждать.

* * *

Как курьез, отметим еще, что в № 11 «Рев. Росс.» делаются попытки «благовидно» объяснить решение уклониться от принципиальной полемики. В статье «Рев. авантюризм» «Искра», видите ли, неверно цитирует. Например? Например, опускает слово «местами» (земля местами перетекает от капитала к труду). Какой ужас! Опускают не относящееся к делу слово! Или, может быть, «Рев. Росс.» вздумает утверждать, что к вопросу об оценке перетекания земли вообще (буржуазный это процесс или нет) хоть какое-либо отношение имеет слово «местами»? Пусть попробует.

Далее. «Искра» прекратила цитату на слове «государством», хотя дальше стоит «конечно, не нынешним». «Искра» поступила даже еще злее (добавим от себя): она дерзнула назвать это государство классовым. Не станут ли наши «обиженные в лучших чувствах» противники утверждать, что в разбираемой нами «про-

доносов квалифицированных, — докладных записок, главным образом, по университетскому вопросу. Судя по многочисленным ссылкам в настоящей «записке» на другие подобного же рода произведения его пера, они посылаются в надлежащие учреждения не «в три приема», а просто-таки в бесчисленном количестве.

Одним словом, перед нами характерная фигура профессионального добровольца-доносчика, ярко очерченная Некрасовым:

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловерный.

На журналы, на книги бросался,
С карандашником вечно в руках;
Поясненья, «записки», запросы
Составлял трудолюбец-старик;
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.

В данной «записке» «трудолюбца-старика» наше внимание останавливает на себе, повторяем, не беззастенчивость взглядов его автора. Несравненно интереснее те ценные признания, которые делаются в ней усердным защитником самодержавия относительно рас-

шатанности самодержавного строя, свидетельствуя о его безотрадном взгляде на существующее положение дел. Эти признания, исходящие из уст влиятельного «прозорливого», по его собственному выражению, и преданного самодержавию советника, сами по себе являются симптомами разложения и порчи правительственного механизма, расшатанного в последние годы напором живых общественных сил, руководимых в борьбе с правительством русской соц.-демократией. Положение вещей, по мнению г. Юзефовича, очень серьезно:

«Болезнь, угрожающие симптомы которой стали с особенной силой проявляться в последние годы минувшего XIX столетия, с тех пор сделала большие успехи. Микроб лжелиберализма, или, выражаясь по-русски, свободомыслия, целым столетием раньше начавший свою разрушительную работу в Западной Европе, вскоре перенесен был и к нам, а в пореформенную эпоху нашел для себя благодарную почву в нашей незрелой печати, в наших увлекающихся неразумным милосердием обновленных судах, в нашей близорукой педагогической практике, в нашем лицемерно-пристрастном народолюбии и, под покровом благодушно настроенного правительства, ныне охватил почти весь государственный организм, оставив более или менее нетронутыми весьма немногие его органы» (62 стр.).

грамме-минимум» речь могла идти не о классовом государстве?

Наконец «Искра» цитировала прокламацию 3 апр., в которой сама «Рев. Россия» нашла оценку террора «преувеличенной». Да, и мы привели эту оговорку «Рев. Росс.», но добавили от себя, что видим тут «эквилибристику» и неясные намеки. «Рев. Росс.» этим очень недовольна и пускается в объяснения и сообщения подробностей (подтверждая, таким образом, на деле, что неясность, требующая объяснений, была). И каковы же эти объяснения? В прокламации 3 апр. были, видите ли, сделаны поправки по требованию партии. Эти поправки, однако, «были признаны недостаточными», и потому слова «от партии» из прокламации были удалены. Но слова «издание партии» остались, и другая («настоящая») прокламация от того же 3 апр. ни слова о разногласиях или преувеличениях не упомянула. Приводя эти объяснения и чувствуя, что они только подтверждают законность, предъявляемого «Иск.» (в словах: эквилибристика и намеки) требования объяснений, «Рев. Росс.» сама задает себе вопрос: как партия могла издать в своей типографии прокламацию, с которой она несогласна? Ответ «Рев. России» гласит: «Да совершенно так же, как под фирмой Росс. С.-Д. Раб. Партии печатается „Р. Дело“, „Искра“, „Р. Мысль“ и „Борьба“». Очень хорошо. Но, во-первых, у нас разнородные издания и печатаются не в типографии «партии», а в типографиях групп. Во-вторых, когда у нас выходили «Р. Мысль» и «Р. Д.» и «Искра» вместе, мы это сами же и называли разбродом. Посмотрите же, что отсюда выходит: соц.-демократия сама вскрывает и бичует разброд у себя и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинают признавать свой разброд лишь после того, как их изобличат, и лишний раз по этому случаю щеголяют своей широтой, позво-

лившей им по поводу одного и того же политического события издать в один и тот же день две прокламации, в которых политическое значение этого события (нового террористического акта) толкуется прямо противоположно. Зная, что из идейного разброда ничего доброго не выйдет, соц.-дем. предпочли «сначала размежеваться, а потом объединиться», обеспечивая этим будущему объединению и прочность и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою «программу» на разные лады «кто во что горазд»*, играют в фикцию «практического» единства и свысока заявляют нам: это у вас только, у соц.-демократов, разные там «группы», у нас же — партия! Совершенно верно, господа, но история учит нас, что иногда отношение между «группами» и партиями бывает подобно отношению между тощими и тучными фараоновыми королями. Разные ведь бывают «партии». Была, например, «Рабочая партия политич. освоб. России», а, между тем, ее двухгодичное существование прошло столь же бесследно, как и ее исчезновение.

[Н. Ленин]

«ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ».

Орган еврейского «Бунда», «Голос Рабочих» («Arbeiterstimme»), недоволен передовой статьей 22 № «Искры». В № 28 этого органа напечатана статья, где нас, между прочим, сравнивают с талмудистами.

* Сравните только «Наши задачи» бывшего «Союза Соц.-Рев.»⁷ с «Манифестом» бывшей «Партии Соц.-Рев.» (о нем в № 6 «Искры»), затем с редакц. заявлением № 1 «Вестн. Р. Рев.», с «программными» статьями №№ 7—11 «Рев. Росс.» и с брошюрой «Свобода», изданной так наз. «Раб. партией политич. освобод. России»⁸, о соединении которой с Партией Соц.-Рев. недавно сообщено в «Рев. России».

Отметив роль «зловредного Запада», г. Юзефович продолжает в другом месте: «Заразой охвачены почти все органы государственного организма; разлагающий микроб свободомыслия, эгалитаризма, атеистических, анархических и социалистических идей проник повсюду — в школу, правящие учреждения — от сената до уездной канцелярии включительно, в печать, в городскую и сельскую жизнь и даже, отчасти, в среду нашего духовенства. Единственным более или менее здоровым органом может считаться армия, в которую, однакоже, зараза всеми силами старается проникнуть» (63 стр.).

... «Явление это очень серьезно, симптомы разложения становятся все более и более угрожающими, и, если правительство не сознает необходимости применить к больному государственному организму строжайший гигиенический режим и радикальную дезинфекцию, рекомендованную мною в первой части записки, то организм можно считать погибшим — заражение крови и гангрена станут неизбежными» (62 стр.). «Поняло ли это правительство — не знаю, но если поняло, то не слишком ли поздно?!». Вопрос так и остается открытым.

Делая такие откровенные признания в секретной «записке», г. Юзефович пуще всего боится, как бы взгляды, подобные высказанным им, не сделались общим достоянием, и с прискорбием замечает, что... «постоянные

колебания, слишком частые смены наказаний и милостей, заискивающие увещания со стороны начальства и т. п. окончательно деморализовали эту сбитую с толку молодежь и вселили в нее не столько веру в милосердие и отеческое попечение о ней верховной власти, сколько убеждение в полном безвластии и безволии правительства... Убеждение, добавим от себя, разделяемое и г. Юзефовичем, как это ясно видно хотя бы из приведенных выше мест его «записки».

Что же так дезорганизовало наше правительство и привело его к состоянию, столь близкому к банкротству и столь красноречиво описанному г. Юзефовичем?

По его мнению, причин этому очень много: и «распространяемые среди молодежи анархические, социалистические и иные антикультурные учения», и «влияние незрелой антилиберальной печати», и «неумеренное благодушие и долготерпение правительства», и масса других более мелких явлений... Одного только не приметил г. Юзефович, это — вступления в сознательную жизнь нового общественного класса, способного бороться за свои политические права, оживления в силу этого общественной жизни, появления на очереди таких вопросов, разрешение которых с исторической неизбежностью властно выдвигается общественным развитием страны и разрешить которые наше правительство не

Приведя из указанной статьи нашей те строки, где говорится, что полицейские расправы с участниками майских демонстраций вопиют о мщении, и указав, с другой стороны, на то, что, по нашему мнению, только полное политическое освобождение России может явиться достойной местью за все притеснения и за все унижения, испытываемые русскими пролетариями, «Гол. Раб.» замечает: «Это значит говорить языком талмудиста, который учит, что Илья-пророк даст ответы на все вопросы».

Орган «Бунда» находит, как видно, что мы хотим отложить дело мести в слишком долгий ящик. Ему кажется, что это дело не терпит отлагательства. Он не хочет ждать. Он хочет немедленного отмщения.

Такой мести хочет не только «Гол. Раб.». Под влиянием новой тактики борющегося за свое существование правительства у нас теперь очень быстро растет число тех людей, которые ждать отнюдь не согласны и которые именно поэтому готовы упрекать нас не только в талмудизме, но и в еще гораздо более тяжких прегрешениях. Иные доходят до того, что, повидимому, искренно считают нас... реакционерами. Мы говорим не шутя и, если понадобится, докажем это ссылками на некоторые, недавно вышедшие произведения печати.

Что ответим мы на нападки этих людей?

Мы скажем им так:

Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпеть, пока не сумели вооружиться, не сумели внушить доверие народу! Вы не хотите ждать? Вы не хотите? Право? Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской революционной фантазии вы бросите на карту будущность народа? Года через два народ мог бы победить; но вот, видите ли, русской революционной молодежи невтерпех. Надо сейчас, сию минуту... Нет, если бы самые скептические мнения о вас были верны, я все-таки не верю в суще-

ствование революционной партии, которая не хочет, не может ждать минуты, когда победа будет возможна, когда победа будет вероятна. Только за народ, только с народом имеете вы право итти в бой...

Как вам нравится наша отповедь, читатель? Наверное, совсем не нравится. Да мало того, что не нравится, — мы видим внутренним оком, как вы, прочитав слова: «слабонервные трусы», судорожно сжимаете в руке нашу газету, а дойдя до слов: «революционный зуд, барская революционная фантазия», с негодованием бросаете эту бедную газету на пол и бежите составлять «протест», стараясь присоединить к себе какого-нибудь «объединенного» социал-демократа, алчущего попасть в «трясину популярности», и повторяя всем и каждому направо и налево, что «Искра» полемизирует не по-товарищески, что она перешла все пределы, что она посылает своим противникам оскорбления, беспримерные в истории нашей революционной печати, что она и т. д. и т. д. и проч. и проч. и проч. Мы заранее знаем, что ваш «протест» будет красноречив и благороден, но прежде, чем вы возьметесь за перо для его составления, обратите внимание вот на какое, далеко не маловажное обстоятельство.

Строки, вызвавшие ваше благородное негодование, от слов: «вы не можете» включительно до слов: «итти в бой», принадлежат не нам. Они взяты нами из брошюры П. Л. Лаврова⁹ «Русской социально-революционной молодежи», вышедшей в 1874 г. в Лондоне. Мы только по рассеянности забыли поставить нашу цитату во вносные знаки. Стало-быть, если вы опубликуете ваш протест, то он окажется направленным против редактора «Вперед» и «Вестника Народной Воли», и все ваши обвинения пойдут по его адресу. А это, пожалуй, вызовет неудовольствие «Революционной России», которая, если мы не ошибаемся, считает себя состоящей в некотором духовном родстве с покойным. А что, если

в состоянии. Впрочем, в одном месте г. Юзефович упоминает иронически о «либеральном духе времени», но рекомендует правительству игнорировать его: «...если мы будем в данную весьма серьезную минуту считаться с той фикцией, которая именуется духом времени, то это равносильно предоставлению государственного организма разрушительному действию раз'едающих его сил, ибо в этом-то духе времени и заключается инфекционная зараза, от которой мы так тщетно искали спасения» (стр. 64).

Упрекая правительство в отсутствии энергии и решительности и указывая при этом на англо-бурскую войну и германизацию Познани, г. Юзефович рекомендует ему взять пример с западно-европейских правительств, «которые систематически действуют в духе намеченных ими программ даже тогда, когда право не на их стороне» (стр. 18; курс. г. Юзеф.).

* * *

Значение, придаваемое г. Юзефовичем «подпольной интриге» в деле дезорганизации правительства, так велико, что русский соц.-демократ, как единственно серьезный враг правительства, невольно должен почувствовать себя польщенным при чтении «записки». Особенно большое значение г. Юзефович приписывает «тайной и явной

пропаганде» в деле приготовления студенческого движения. Первоначальной причиной студенческих волнений является, по его мнению, как мы уже упомянули выше, «распространение среди школьной молодежи анархистских, социалистических и иных антикультурных учений».

«Люди прозорливые, — пишет он, — давно уже отметили это прискорбное явление и не скрывали опасений своих относительно неизбежных последствий такой пропаганды; но благожелательное и доверчивое правительство, опираясь на близорукое общественное мнение, к несчастью, слишком долго лелеяло себя иллюзиями и приписывало студенческие волнения юношеским увлечениям, духу товарищества, недовольству некоторыми распоряжениями школьной жизни и даже бестактности властей и педагогического персонала» (стр. 5).

Меры «предупреждения и пресечения», употребляемые правительством для борьбы с «преступной пропагандой», г. Юзефович находит неудовлетворительными и недостаточными: «Какими путями проникает в Россию крамола, свившая себе в Западной Европе (опять «зловредный Запад»!) прочные гнезда, какими ловкими и искусными приемами раскидывает она свои сети, — судить не берусь; но в чем не может быть сомнения, это — в том, что для борьбы с ней правительство не располагает ни удовлетворительно - организованной силой ни достаточными

«Революционная Россия» напишет протест против вашего протеста, при чем тоже пригласит каких-нибудь захудалых социал-демократов? Ведь тогда пойдет совсем уже нелепая неразбериха. Так уж не лучше ли вам оставить всякую мысль о протесте? Не лучше ли вам сделать вид, что протестовать вы даже и не собирались? Что строки, взятые нами у Лаврова, вас нимало не возмущали, и что впросак вы ни на одну секунду не попадали? Право же, это будет много превосходнее, тем более, что все эти «протесты» подчас являются не чем иным, как замаскированным покушением на свободу революционной печати, попыткой зажать рот противнику.

А теперь сядем рядком да потолкуем ладком все о той же, не отмеченной вносными знаками, цитате.

Как царь Алексей Михайлович пользуется славой «тишайшего» царя, так и П. Л. Лавров имеет репутацию «тишайшего» писателя. Но как Ал. Михайл., при всей своей «тихости», иногда очень круто расправлялся со своими боярами, так и П. Л. Лавров, при всей своей литературной кротости, умел очень резко говорить о тех явлениях в нашем революционном мире, которые казались ему вредными для революционного дела. И замечательно, что хотя названная нами выше брошюра раздосадовала сторонников Ткачева¹⁰, — против которого она и была направлена*, но ни одного «протеста» она не вызвала, никто не закатывал глаз по ее поводу, никто не

бил себя в грудь и никто не кричал, что она содержит в себе выражения, беспримерные по своей резкости, и т. д. и т. д. и проч. и проч. Почему это? Вы скажете, пожалуй, что резкость Лаврова была вызвана резкостью Ткачева, который вызвал его на полемику? Но это не объяснение. Разве нельзя было протестовать против обоих? По нынешнему времени это, вероятно, так бы и было.

А кроме того, надо помнить еще и то, что цитированное нами (без вносных знаков) место относилось у Лаврова не к одному Ткачеву, а к целому течению в нашей революционной среде, течению, которое, разумеется, нельзя было делать ответственным за резкость одного Ткачева. В чем же дело? Почему же тогда никто не протестовал? Уж не потому ли, что «слабонервные» люди были тогда не столь слабонервны, как теперь?

Но как бы там ни было, а это — вопрос, не лишенный интереса. Главным образом в виду этого интереса мы и процитировали брошюру П. Л. Лаврова. Пусть не думают наши товарищи из «Гол. Рабоч.», что мы хотели применить к ним резкие выражения брошюры. Совсем нет. Мы хотели только поставить им на вид то мнение ее автора, что бывают обстоятельства, когда революционеры нравственно обязаны подчинять свое нетерпение доводам рассудка, оценивающего действия отдельных лиц и всей партии с точки зрения целесообразности, и когда нежелание «ждать» является преступным. Редакция «Гол. Рабочих» как будто позабыла об этом.

Правда ли, читатель, это значительно резче знакомого вам термина «революционный авантюризм», столь сильно расстроившего нервы некоторых слабонервных людей нашего времени?

средствами. Какие тому причины, чем объяснить, что правительственная власть, затрачивающая сотни миллионов ежегодно на предупреждение возможных в будущем столкновений с врагом внешним, в то же время обнаруживает столь преувеличенную бережливость (!?) в деле борьбы с наличным и несравненно более опасным врагом внутренним, — все это вопросы, на которые человек посторонний, не посвященный во все тайные пружины правительственного механизма, ответить не может. В качестве такого постороннего лица могу засвидетельствовать только одно, что организация правительственного надзора не только за тайной, но даже за явной пропагандой настолько неудовлетворительна, что правительству как будто бы неведомы имена и факты, которые известны всякому мало-мальски внимательному наблюдателю русской общественной жизни. В наших средних и высших правительственных школах, не исключая даже привилегированных и военных, не мало педагогов самого сомнительного направления, беззастенчиво вливающих яд зловердных учений в умы и сердца русского юношества, и правительство не только терпит их, но не делает никакого различия между ними и их благонадежными сослуживцами, а нередко даже, в силу их талантов и знаний, выделяет их над этими последними, вопреки неоспоримой истине, что люди эти тем опаснее, чем

обширнее их педагогические дарования и научный авторитет...» (стр. 8).

«Радикальное очищение наших профессорских кафедр от опасных элементов является насущнейшим вопросом нашей государственной педагогики и должно вестись беспощадно, хотя бы для замещения их пришлось временно прибегнуть к, может-быть, не вполне желательному приглашению профессоров из-за границы... Незнакомство иностранных ученых с русским языком не имеет значения» (стр. 8). В чем, в чем, а в бесстрашии мысли г. Юзефовичу отказать нельзя!

Не менее любопытны взгляды г. Юзефовича на значение «лжелиберальной печати»: «Для того, чтобы дух анархии и социалистические идеи могли водвориться в среде учащейся молодежи, необходимо было, чтобы к тому исподволь была подготовлена почва. Эту-то задачу приняла на себя наша лжелиберальная печать». Таким духом лжелиберализма, по мнению г. Юзефовича, проникнута вся наша печать: «Где в настоящее время те органы, к которым мог бы обратиться серьезный публицист, желающий независимо и беспристрастно обсудить любой из животрепещущих вопросов, затрагивающих нашу внутреннюю политическую жизнь и волнующих наше общество? Не вооружившись красным знаменем, он ни в один из мало-мальски распространенных

Позабыла она также и о том, что месть — мести рознь. Она несогласна с тем, что только полное политическое освобождение России достойным образом отомстит за все унижения и притеснения, выпавшие на долю русских пролетариев. Но не соглашаясь с нами в этом случае, она восстает против совершенно очевидной истины. В самом деле, о чем идет речь? О притеснениях и угнетениях, испытываемых русскими пролетариями от нынешнего политического порядка. Этим угнетениям и притеснениям нет числа, потому что они падают на головы русских пролетариев решительно на всех шагах их тяжелой жизни: в шахтах и на фабриках, на полях и на дорогах, в тюрьмах и острогах. Неужели редакция «Голоса Рабоч.» думает, что за эти унижения и оскорбления можно отомстить несколькими «террористическими» пулями или несколькими взрывами нескольких пудов динамита? Думать так было бы верхом наивности; думать так значило бы покинуть не только точку зрения рабочего класса, но и вообще точку зрения политической борьбы против данного политического порядка, и встать на точку зрения личной мести отдельным представителям этой системы. Такая месть есть все, что угодно, но только совсем не политическая борьба.

Наконец, позабыла редакция «Гол. Раб.» еще и о том, что соц.-демократам не пристала та логика, которую Энгельс, вслед за Гегелем, называл метафизической, и которая характеризуется формулой: «или — или». Любям, придерживающимся этой логики, дело представляется очень просто: или полная окончательная победа над правительством или полная невозможность отомстить ему за испытанные от него обиды. Марксисты же, стоящие на диалектической точке зрения, знают, что борьба за политическое освобождение страны есть длинный процесс, в продолжение которого революционеры ожидают целый ряд частичных побед над их смертельным врагом, побед,

несущих с собою, следовательно, и мщение. С этой точки зрения месть вовсе не представляется отложенной в долгий ящик: нет, к мщению надо приступить сейчас, немедленно, не теряя ни минуты и — как мы сказали в своей статье — не считая себя в праве хоть немного успокоиться до тех пор, пока обида не отомщена. Но, конечно, и тут остается нерешенным вопрос о том, что понимать под местью. На этот вопрос нет бесспорного ответа. Все зависит здесь от степени нравственного и политического развития отвечающего: для одного лучшая — наиболее «достойная» — месть заключается в успехе того дела, из-за которого он и его близкие подвергаются оскорблениям; другой, будучи оскорблен, забывает о деле и думает только о том, как бы наказать лицо, нанесшее оскорбление. Различные люди мстят различно. Но не трудно видеть, какой род мести выгоднее для дела. Возьмем хоть рассуждения «Гол. Рабочих». Правительство, устами Зубатова, говорит: «Я вас толкну на террор и потом раздавлю». Чтобы добиться этой цели, оно оскорбляет революционеров. А революционеры, будучи оскорблены, говорят устами «Голоса Рабочего»: «Выступим же на путь террора!». Не ясно ли, что та кой мести правительство не убоится?

Мы не сомневаемся в том, что у редакции «Гол. Рабочих» очень хорошие намерения. Но ее логика в данном споре слаба, так слаба, что над ней, наверно, очень посмеялись бы даже талмудисты, если бы дали себе труд ознакомиться с нею.

[Г. Плеханов]

ВСЕ О ТОМ ЖЕ.

В № 5 гектографированного издания «Вперед», помеченного «Петербург, 15 сентября 1902 г.» и подписанного буквами С.-Р. (соц.-революционеры?), мы —

органов лжелиберальной печати проникнуть не может; в лагере же так называемой консервативной печати он находит лишь «Моск. Ведомости» и «Гражданин». Обе эти газеты не удовлетворяют г. Юзефовича, первая «в усердии своем нередко заходит за пределы того, чему может сочувствовать человек, независимый в своих суждениях», вторая «в свою очередь представляет собой орган личных взглядов и убеждений его редактора и потому обращается лишь в тесном кругу единомышленников князя Мещерского». «Есть еще весьма распространенная газета „Новое Время“, которая позирует на благонамеренность, весьма, впрочем, дешевую: в действительности же газета эта представляет собою работу дружно сплоченной группы публицистов, готовых продать себя тому, кто дороже заплатит»... Это ли не знамение времени? Даже наш «внимательный наблюдатель нашей общественной жизни» бросает современный «чего-изволите?» упрек в продажности.

Виною такому «безотрадному положению нашей прессы», проникнутой «тлетворным ядом лжелиберализма», является, по мнению г. Юзефовича, «узко-формальное отношение к делу» цензоров, «пропускающих без внимания ядовитые книги и статьи, в которых между строками проводятся самые отрицательные учения, разжигается национальная и сословная вражда; растле-

ваются нравы и подрываются священнейшие авторитеты веры, закона, семьи и правительственной власти». Тут же г. Юзефович проводит оригинальную мысль, что слабость цензуры является в то же время и причиной упадка современной литературы и оскудения ее талантами: «...в самый разгар мнимых гонений на русскую печать... строгая расценка литературных и публицистических дарований выдвинула целую плеяду талантливейших имен, и первая половина XIX столетия не без основания может считаться самой блестящей эпохой в русской литературе. Не то явила нам вторая половина того же столетия... Данные в это время русской печати широкие вольности не оправдали возлагавшихся на них надежд: исчезли поименованные выше светочи русской литературы старой школы и оскудела вместе с ними русская печать. Под прикрытием дарованных вольностей на смену этих титанов из всех щелей стали выползать литературные букашки»... (стр. 11).

Итак, оживить русскую литературу можно, по мнению г. Юзефовича, очень просто: стоит только усилить (?) цензуру и «подвергать ударам самой решительной и настойчивой правительственной репрессии...» «все, что вносит в жизнь дух разлада и разложения». Кроме того, «трудолюбивый старик» рекомендует правительству оказать «материальную и нравственную поддержку» — для

среди всяких восхвалений политического террора — прочли следующие строки:

«... За 1901 — 2 год было семь террористических покушений: на Боголепова, Победоносцева, два на Трепова, на Сипягина, Валя и Оболенского. Из этих дел последнее только произведено „боевой организацией“. Остальные шесть — личные действия отдельных лиц. Эти шесть покушений (сюда входят оба удавшихся [т. е. покушения Карповича и Балмашева. Ред.]) — выражение общественного настроения, выражение негодования на существующий порядок и действия властей. Более чуткие, более горячие люди не могут жить в существующих условиях и смотреть равнодушно на все безобразия русской действительности. Им душно жить, нечем дышать, а потому, умирая, терять нечего. Они берут револьвер и идут убивать врагов народа...». Далее говорится: «Предположим, что Зубатов поймал всех членов „боевой организации“ и что вы, г. Плеве, всех их уже повесили. Чего же вы достигнете этим? За время погони вашей за „боевой организацией“ жизнь выставит ряд Карповичей, Балмашевых, Леккертов, действующих в одиночку (курсив везде наш. Ред.) смело и решительно».

Из этих строк читатель может видеть, что террористический кружок, издающий «Вперед», считает выстрел Балмашева делом единоличного его решения, возникшего как выражение «общественного настроения». Он говорит то же самое, что сказали мы в передовой статье № 20 «Искры». Мы только ближе определили это «общественное настроение», как настроение передовой части вовлеченного в борьбу с правительством студенчества.

Рекомендуем «Рев. Росс.» обрушиться на этих террористов, которые так «беспримерно» дерзновенны, что до сих пор, вопреки всем заявлениям «боевой организации»,

смеют свое суждение иметь, смеют считать и называть убийство Сипягина единоличным актом, выражением общественного настроения, не более того!

Наше мнение по этому вопросу составилось, как знает читатель, совершенно независимо от мнения нового издания «Вперед». «Рев. Россия» мечет громы и молнии против нас, приглашая всю Росс. С.-Д. Раб. Партию осудить «Искру» за ее «дерзкие» мнения. Мы не сомневаемся, что наша партия, при первых же шагах к восстановлению ее действительного единства, займется вопросом о Партии Соц.-Рев. и рассмотрит жалобу «Рев. России». Посмотрим, удовлетворит ли это рассмотрение жалобчиков.

От себя же мы поставим «Р. Р.» лишь такой вопрос: не «беспримерно» ли также в истории русского революционного движения, что иностранные революционеры вынуждены заговорить об «игрушке» и «шумихе» по поводу актов политического террора? О «Нар. Воле» так не говорили. И не вызывает ли крикливость сама собой сомнения в том, в чем крикливо стараются уверить? Заметим при этом, что «Искра» сделала с своей стороны все возможное, чтобы не дать публике вложить персты в эти столь некстати обнаружившиеся язвы нашего современного движения. «Искра» просто игнорировала противоречащие очевидности заявления «боевой организации», как продолжают их до сих пор игнорировать террористы издания «Вперед». И только высокомерное заявление «боевой организации», требовавшее, чтобы мы приняли «без разговоров» ее объяснение выстрела Балмашева, заставило нас формулировать наши сомнения.

Мы опасаемся, что «Рев. Росс.» не сможет ответить на поставленные ей выше вопросы. Ведь ей строго запрещено продолжать полемику с нами — в интересах благопристойности. Это запрещение исходит от Центр. Ком. Партии Соц.-Рев., каковой Комитет этим самым

издания литературного органа — «Русскому Собранию», «вокруг которого сгруппировался кружок людей, искренно преданных национальной идее, православию и принципу самодержавия»...

Тогда, надо полагать, дело будет совсем в шляпе!

* * *

Но особенно комичны упреки — «в неумеренном благодушии и долготерпении», посылаемые г. Юзефовичем по адресу правительства. Уж оно ли не старается?! Г-ну Юзефовичу все кажется мало: «К сожалению, такой недостаток решительности и настойчивости со стороны правительственной власти до сих пор обнаруживается не только к вредным тенденциям печати, но и в сфере иных прискорбных явлений в русской народной жизни. То же благодушие и неумеренное долготерпение проявляло правительство и по отношению к делящимся несколько лет школьным волнениям и беспорядкам, чем нанесен значительный ущерб русскому национальному просвещению вообще и личным интересам большинства учащейся молодежи в частности» (стр. 17).

Недоволен г. Юзефович и отсутствием какой-либо определенной системы в действиях правительства: «В течение нескольких последних лет меры строгости постоянно сменялись проявлениями монаршего милосердия,

к которому лица, у власти стоящие, должны были бы прибегать с гораздо большей осторожностью. Русский народ привык к тому, что всякое благо и милости изливаются с высоты престола, но потому-то именно со стороны ближайших советников царских желательно, чтобы в интересах законности и порядка они не обращали акты царского милосердия в орудие безнаказанности, влекущей за собой полную деморализацию в среде кружков, преступивших закон». «Продолжительная безнаказанность привела к тому еще, что школьные беспорядки вошли в привычку, обратились в явление заурядное; между тем, в среде студенческой молодежи все чаще и свободнее стали проникать воззвания и листки возмутительного содержания, радикально изменившие самый характер волнений и придавшие им небывалый прежде дух политических возмущений» (стр. 18). Упреки правительству в бездейственности и «попустительстве» «антикультурным» течениям Юзефович заканчивает советом взять пример с зап.-европейских правительств, систематически и настойчиво действующих в «духе намеченных ими программ даже тогда, когда право не на их стороне».

Одними наставлениями общего характера г. Юзефович не ограничивается и предлагает правительству «для оздоровления государственного организма» целую программу практических мероприятий, понятно, репрессивного

актом проявил впервые свое существование *. Мы очень сожалеем о судьбе нашего литературного коллеги, павшего жертвой строгости Центр. Комитета. Но, с другой стороны, мы — признаться — немного завидуем ему. Центр. Ком. нашей собственной партии (когда он будет создан), несомненно, будет обладать меньшей проницательностью и не догадается «запретить» нам, бедным соц.-дем. публицистам, продолжать полемику, если нам — от чего боже сохрани? — случится в ней... поскользнуться.

[Н. Ленин]

КОМИТЕТЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ.

(От редакции: нам доставлено «Письмо в редакцию „Искры“» за подписью А. и М. Авторы письма совершенно справедливо указывают, что социал-демократам «пора, в качестве полноправных членов, принять участие в политической жизни страны», что мы должны поэтому следить за работой Особых Совещаний, противопоставлять их программе свою программу и развивать эту последнюю ее ко всем сторонам общественной и политической жизни, обращаясь, в частности, с мотивированными резолюциями к комитетам Особого Совещания и т. д. и т. д. Мы приводим целиком ту часть письма, которая посвящена работе комитетов, позволяя себе опустить замечания о партийной программе, ибо эти замечания писаны, видимо, авторами до ознакомления их с нашим проектом программы.)

* Общепартийные прокламации соц.-рев. подписывались до сих пор просто партий. Ультиматумы правительству после террористических актов подписаны «боевой организацией». «Искра» чувствует себя безмерно польщенной: для борьбы с ней партия применила ту инстанцию, по отношению к которой является исполнительным органом группа, уполномоченная после покушений «истину царям с улыбкой говорить».

«Особое Совещание» возникло, как известно, вследствие того, что министерство финансов, являющееся у нас одновременно и министерством промышленности и торговли, в своем старании развить отечественную промышленность и упорядочить государственные финансы, несмотря на «магию» г. Витте, уперлось, как в глухую стену, в острую и все растущую нищету народа.

Развить производительные силы страны, для этого создать крупное производство, густую железнодорожную сеть и металлическое денежное обращение — такова была экономическая программа министерства финансов в течение последних 15 л. Сосредоточив, как и подобает бюрократическому министерству, дело руководства промышленною жизнью страны в своих руках *, занятое грюндерством, финансовой магией и борьбой за убежавшее из страны золото **, министерство финансов было в силах создать, однако, только иллюзию быстрого экономического развития страны и цветущих государственных финансов, иллюзию, разбившуюся о ничтожную производительность общенародного труда. Таким образом возникло сознание необходимости обратить, наконец, внимание на развитие производительности общенародного труда, а следовательно, кустарного производства и сельского хозяйства, как основного промысла массы населения. Отсюда кустарный съезд и, в настоящее время, Особое Совещание трех министров и нескольких сановников, снабженное чрезвычайными полномочиями и свидетельствующее, что, по сознанию самого правительства дело серьезно, чтобы не сказать больше.

Для всякого, а следовательно и для инициаторов Совещания, должно быть ясно, что тот или другой уровень

* Нормировка производства; концессионная система разрешения акционерных предприятий и др.

** Наш расчетный баланс в 1899 г., несмотря на продажу за границу процентных бумаг, на сумму около 150 миллионов, склонялся в пользу последней и обусловил отлив золота на 250 миллионов приблизительно; в 1900 г., по официальным данным, золотой запас уменьшился на 74,1 миллиона, — цифра, несомненно, уменьшена. К средине 1901 г. золотой запас Государственного банка спустился до 694 милл., уменьшившись в полтора года на 145 милл., в то время как кредитное обращение возросло на 61 милл. Явно, что золото утекает из страны.

свойства. Первым по важности он считает: «значительное усиление рабочих сил и материальных средств нашей политической полиции и организацию полицейских агентур соответственно современным условиям борьбы с анархией и политическими жеужениями». Далее следует целый ряд советов, изложенных в 22 пунктах и непосредственно вытекающих из общих положений его «записки».

Особенно интересны меры, касающиеся непосредственно университета; из них выделяется совет наказывать студентов за участие в беспорядках лишением аттестата зрелости. Совет довольно ехидный, но далеко не столь удобоисполнимый, как это воображает г. Юзефович; он забывает, что лишение аттестата есть один из видов лишения прав, налагаемый на преступника, даже по русскому законодательству, лишь по суду. Мы не сомневаемся, что эта незаконная мера, в случае ее применения, разделит участь «временных правил» Боголепова, предложенных тем же «трудолюбцем-стариком».

Еще курьезнее следующие советы г. Юзефовича: «вернуть внутренний распорядок в высших учебных заведениях высокообразованным офицерам, установив в то же время для студентов ответственность по уставам военной дисциплины»,... организовать студенчество в... «школьные батальоны», произвести массовые увольнения «профессоров сомнительного направления», «со временем, под

предлогом (курсив мой. -ъ) подготовки воспитанников средних учебных заведений старшего возраста к предстоящей им лагерной службе, можно было бы ввести офицеров-инструкторов и в среднюю школу»... (стр. 64). Одним словом, перед нами стройная система утопических мечтаний, представляющих из себя любопытный пережиток старины в виде какой-то смехотворной отрывки аракчеевщины. Два года тому назад г. Юзефович предложил студентов отдавать в казармы, теперь же он хочет казармы перенести в университет. Все меры, предлагаемые г. Юзефовичем, глупы и ничтожны; пока они на бумаге — способны вызвать лишь смех, при осуществлении же — лишь всеобщее недовольство и взрыв общественного возмущения.

Мы советуем г. Юзефовичу прочесть чудесную сказку Щедрина, описывающую подвиги Топтыгина, посланного Львом в дальний лес «вроде как бы воеводой, внутренних супостатов усмирить» («Новые сказки для детей изрядного возраста», изд. 1893 г.). Из этой сказки г. Ю. увидит, что предлагаемые им мероприятия вовсе не новы. В самом деле: Топтыгин по приезде в лес первым делом «университет в полном составе разверстал в линейные батальоны»... а г. Юзефович предлагает отдать студентов в «школьные батальоны», «установив для них ответственность

производительности народного труда есть сложный результат хозяйственных, политических и культурных условий народной жизни; что затронуть этот вопрос — значит затронуть все социальные и политические проблемы современности, — а в русских условиях, — прежде всего, проблеме самодержавия. Но это значит рубить сук, на котором сидишь. Отсюда — трагикомическая попытка гг. Витте и Сипягина ограничить работу Совещания сферой специально технических вопросов и свести все дело к разрешению ряда мелких задач: о сельском кредите, организации сельско-хоз. союзов, распространении сельско-хоз. умений и т. д. (Заседание 2 февр.) Мотивировалось это предложение тем, что затрагивать вопросы общегосударственного значения, хотя и связанные с положением сельско-хоз. промышленности, значит — нарушать prerogative «ведомств» и лишать работы Совещания делового характера. Но так как совсем обойти эти вопросы явно невозможно, то предлагалось ограничиться по ним составлением общих предположений, представляемых на благоусмотрение государя. Некоторую оппозицию такая постановка дела встретила уже в самом Совещании: Ермолов указал на ряд вопросов общегосударственного значения, — исключительно экономических, правда, — настолько тесно связанных с судьбами сельского хозяйства, что разработка их Совещанием и обязательность выработанных им руководящих начал для «подлежащих ведомств» — неизбежна.

Еще шире были раздвинуты рамки Совещания в губернских и затем уездных комитетах. Здесь вопросы государственного значения, — а из них политические, — совершенно заслонили собой специальные сельско-хозяйственно-технические; вместо разработки узко-специальной программы, составленной бывшим радикалом Ковалевским, комитеты принялись за пересмотр всех устоев русской гражданской, политической и хозяйственной жизни, не касаясь, правда, центрального пункта — самодержавия. Оно для них, видимо, — запретная область.

Потребность выйти из границ, намеченных для работы комитетов Совещанием, была так сильна, так единодушно заявлена, так очевидна, наконец, что наше правительство, под непосредственным давлением многочисленных запросов председателей комитетов — губернаторов и предводителей дворянства, увидело невозможность противиться течению; последовало высочайшее разрешение комитетам

касаться всех вопросов, связанных, по мнению их, с делом сельско-хоз. прогресса; это разрешение сопровождалось кучей жалких слов о такте комитетов, о доверии к ним и надеждой, что они не злоупотребят этим доверием. Невольно спрашиваешь себя: где мы? В России ли? Слыхано ли, чтобы с высоты престола говорили таким тоном с каким-нибудь лохвицким или кобелякским парламентом, составленным из уездных гласных, крестьян, попов, учителей и прочей мелкоты, одна из секций которого заседает под председательством административно-ссыльного, г. Туган-Барановского?

Еще более тяжелое поражение понесло Особое Совещание по вопросу о личном составе губернских и уездных комитетов. Под тем предлогом, что земство было опрошено о нуждах сельского хозяйства в 1894 г. в связи с учреждением министерства земледелия, — а, в сущности, потому, что земство рассматривается как оппозиционный элемент, — Совещание устранило его от нового обсуждения вопроса и ввело в комитеты в подавляющем количестве высшую провинциальную администрацию, предоставив председателям право приглашать к участию осведомленных лиц, — этим гарантируется, по мнению Совещания, чиновно-дворянский состав комитетов. Но уже в губернские, а еще в большем числе в уездные комитеты начали поступать заявления о том, что устранение земских учреждений неправильно*. Заявления эти имели только значение протестов и кое-где послужили основанием для возбуждения ходатайств. Фактическое же участие земства, в лице гласных, осуществилось окольным путем. В целом ряде уездов, очевидно, под влиянием логики вещей и общественного мнения, председатели комитетов пригласили поголовно всех земских гласных, кроме того членов экономических советов, народных учителей, земских агрономов, крестьян и др. Таким образом определился состав провинциальных комитетов, оказавшийся, особенно в уездах, не дворянско-чиновническим, а зем-

* Так, напр., в Темниковский, Лохвицкий, Костромской, Рузский комитеты. Рядом с этим, в Орле члены и председатели управ несколько раз заявляли, что, не имея полномочий от земских собраний, они откажутся смотреть на себя как на представителей земств и присутствуют в комитете в качестве частных лиц. Мотивировка, достойная внимания.

по уставам военной дисциплины»; Топтыгин университет и академию спалил, а «академиков в душло заточил, где они и поднесь в летаргическом сне пребывают», господин же Юзефович предлагает даже и при нынешнем низком уровне профессуры, «поднесь в летаргическом сне пребывающей», произвести «беспощадное» «очищение кафедр» от лиц «сомнительного направления» с заменой их профессорами, не умеющими говорить по-русски. Топтыгин «забрался ночью в типографию, станки разбил, шрифт смешал, а произведения ума человеческого в отхожую яму свалил; сделавши это, сел, сукин сын, на корточках и ждет поощрения» — точь-в-точь то же рекомендует сделать г. Юзефович и, повидимому, также «ждет поощрения»... Кроме этого, г. Юзефович найдет в чудесной сказке немало для себя поучительного; он узнает там, что предлагаемые им мероприятия принадлежат, по терминологии Щедрина, к числу злодейств «срамных, малых, шуточных», которые «не только историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы». История лишь «отменнейшее кровопролитие» ценит, а о малых, каково кровопролитие, предлагаемое г. Юзефовичем, «упоминает с оплеванием».

«Проклятое то время, — восклицает сатирик, — которое с помощью крупных злодеяний цитадели общественного

благоустройства сокрушает, но срамное, срамное, тысячу раз срамное то время, которое мнит той же цели достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых!» Таким-то деятелем тысяча раз срамного времени и является г. Юзефович, — яркий выразитель процесса вырождения консерватизма и разложения самодержавного режима под ударами общественных сил, руководимых соц.-демократией; ей, как передовому отряду прогресса, принадлежит будущее, темным же деятелям «срамного времени» суждено раствориться во мраке прошлого. Будущее вспомнит о них лишь «с оплеванием». Память о деятелях такого типа, как г. Юзефович, будет увековечена лишь чем-либо вроде известной эпитафии:

Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив.
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив.

[Правдин]ъ.

ским, в широком смысле слова. При этом численный состав уездных комитетов часто очень значителен: в Суджанском — 48 чел., в Лохвицком — 60 и т. д.

Таким-то образом, вопреки предположениям Особого Сопровождающего, Россия покрыта целой сетью маленьких парламентов, обсуждающих, иногда гласно и публично, вопросы гражданского правопорядка и экономической политики.

Какие же идеи и тенденции сказываются всего определеннее?

Должно заметить, что работы комитетов только-что начаты и окончатся лишь в начале будущего года (срок окончания продолжен до 1 февр. 1903 г.) — вследствие этого пока можно говорить лишь об общих принципах и тенденциях комитетов. Картина, тем не менее, получается внушительная.

Выше мы уже указали, что в ряде комитетов было заявлено о праве земства принимать участие в обсуждении вопросов, имеющих общенародное значение. В связи с этим стоит требование расширить круг земской деятельности; сделать ее и более устойчивой и независимой от администрации; дать земству право периодических съездов; выслушивать его мнения о всяком законопроекте, затрагивающем местные интересы, ранее внесения его в законодательное учреждение; увеличить земский бюджет на счет государственных сумм (Костромской комитет). Все это старые требования земств, много раз высказанные и сводящиеся к расширению местной автономии и компетенции. Но одно — ново: это — требование обязательной передачи на обсуждение земских собраний всех законопроектов, имеющих местное значение. Но какие же не имеют его? Эта попытка земств приобрести политическое значение должна быть отмечена.

Довольно определенно и всеобщее требование установления одного общего для всех гражданского правопорядка. Так, Темниковский комитет требует поднятия личности крестьянина, а следовательно, уравнения его с другими сословиями в личных и гражданских правах, путем подчинения общей админ. и общим судебным установлениям; Костромской — указывает на необходимость ослабить общинную и административную опеку над крестьянином; Суджанский и Курский — высказываются в том же смысле, что и Темниковский.

Достойно внимания совпадение требований местных комитетов с требованиями, высказанными кустарным съездом в неопущенных правительством резолюциях.

Единогласно и всеобщее требование образования для народа и освобождения от стеснений и опеки культурно-просветительной деятельности.

Многие комитеты высказались по вопросам общей экономической политики правительства, характеризуя ее как политику покровительства меньшинству, в ущерб интересам большинства; при этом выражалось желание, чтобы в основу податной системы лег принцип подоходности, а таможенная политика не служила бы целям охранения крупной промышленности в ущерб потребителю.

Таковы общие руководящие начала. Что многими комитетами они будут разработаны детально, несмотря на циркулярное сообщение министра финансов, помещенное в № от 10 авг. «Правительственного Вестника», — об этом можно судить по тому, как они приступили к работам. Комитеты разбиты на комиссии по группам сродных вопросов; выработаны детальные программы, заключающие, напр., в Суджанском комитете, такие пункты: § 4 — отсутствие явочного порядка для коопераций и союзов; § 15 — вопрос о прессе как общей, так и специальной; § 16 — о полном прекращении преследования сектантов; § 17 — о духовенстве и зависимости прихода от духовной консистории и епархиального начальства; § 20 — об организации земских учреждений вне зависимости от сословных соображений; § 53 — рабочий вопрос.

Земским экономическим советом внесено в тот же комитет предложение разработать вопросы: 1) об устранении крестьянского малоземелья, на основании заранее определенной нормы земельного участка, необходимого для существования средней крестьянской семьи; 2) об ограничении скопления в одних руках участков подворного землевладения; о праве крестьян самим избирать форму землевладения — общинную или подворную.

Не все, конечно, комитеты взглянули на дело с надлежащей широтой. Напр., Меленковский комитет, Владимирской губ., в составе предводителя дворянства, 20 земских начальников и 1 землевладельца, решил, что дело будет сделано, если в уезде будет не одно, а 10 сельско-хозяйственных обществ, каждое — с инструктором и субсидией, — и если кровельное железо подешевеет. Но, ведь, и Россия перестала бы быть Россией, если бы в ней перестали бы быть хорошие люди и плохие музыканты.

Теперь — вопрос: эти требования, зреющие теперь в комитетах и в сознании русского общества, требования, которые рано или поздно осуществляются, — являются ли они достаточно полным и достаточно соответствующим интересам социал-демократии решением поднятых общественных вопросов?

С уверенностью можно сказать, что — нет. Вопрос о самодержавии едва ли будет затронут, а следовательно, и вопрос о гарантиях того правопорядка, который признается желательным и необходимым. Даже в тех узких пределах, в каких он будет поставлен, вопрос об избирательном праве и народном представительстве в земском и городском самоуправлении едва ли получит демократическое решение. Об этом говорят следующие признаки: и в заявлениях, сделанных в комитетах, и в статье «От русских конституционалистов», помещенной в № 1 «Освобождения», говорится только о «бессословности» представительных учреждений и — нигде о всеобщем и равном избирательном праве. Статья «Освобождения» мотивирует это свое воздержание нежеланием делить шкуру неубитого еще медведя, но оговаривается, что «более подробное определение избирательной системы будет предметом особого обсуждения, при котором нельзя обойтись без технических деталей и принципиальных споров». Мы хотели бы знать, что скрывается за этой оговоркой? Имущественный ли ценз? и высокий? И притом множественность голосов?.. Что это — первые ли провозвестники грядущих притязаний российской буржуазии и предстоящей нам классовой борьбы за участие в государственном управлении, или только выражение недоверия к голосованиям крестьянской безграмотной массы? Так или иначе, но с этим партией придется считаться; скрытым пока врагам демократии должно быть показано, что их намерения разгаданы, и социал-демократическая партия должна взять на себя ведение кампании в пользу всеобщего и равного избирательного права как для органов местного самоуправления, так и для парламента.

Требование уничтожения опеки, общинной — для крестьян и административной — для всех граждан и органов самоуправления, есть наиболее скромная форма требований элементарных личных и политических прав. Она требует, по всей вероятности, расширения и углубления. Особое внимание партии должен привлечь вопрос о союзах и о коалиционном праве рабочих как фабричных, так и занятых в земледелии и отхожих промыслах. Вообще, интересы рабочих сельскохозяйственной промышленности совершенно не представлены в комитетах, а они, между тем, разнообразны и требуют усиленного внимания, так как положение сельскохозяйственного рабочего до бесконечности жалко и необеспечено. Явиться выразителем его нужд может только соц.-демократия.

А. и М.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

В отдельной брошюре мы поместили обвинительные акты по политическим процессам о демонстрациях 1 мая в Нижнем-Новгороде и Саратове. Как оказывается, третий такой же процесс возбужден против 14 рабочих Сормовского завода (Нижегород. губ.), участвовавших в демонстрации в день 1 мая в Сормове. Сормовский и нижегородский процессы назначены к слушанию в конце октября. Саратовский уже назначался к слушанию, но был отложен.

Возобновление судебных процессов против участников политических демонстраций свидетельствует о край-

нем озлоблении царского правительства. После бессмысленной попытки подавить проявления революции полицейскими розгами, оно схватилось за старое орудие — подтасованный суд*. Мы уверены, что наши товарищи с честью выдержат новое испытание их политической зрелости и исползуют, в интересах партии, процедуру судебного процесса.

Не имея возможности привести целиком обвинительный акт по сормовскому делу, мы ограничимся наиболее характерными моментами.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

о крестьянине слободы Кошелевки, Елькинской вол., Нижегородского у., П. А. Заломове, 25 л., мещ. г. Лукоянова А. И. Быкове, 22 л. и М. И. Быкове, 24 л., горнозаводском мастеровом Воткинского зав., Вятской губ., Е. Г. Наумове, 25 л., крестьянине села Сормово, Балахнинск. у., П. Д. Дружкине, 26 л., крест. Н.-Сергинской вол., Красноуфимского у., Пермской г., Н. В. Фролове, 28 л., горнозаводском раб. Воткинского зав., Вятской губ., М. Е. Богатыреве, 27 л., крестьян. с. Сормова, Балахнинского у., А. П. Ляпине (Буренкине), 26 л., горнозаводском мастеровом с. Выксы, Ардатовского у., М. И. Самылине, 24 л., горнозаводском мастеровом з. Дождатого, Меленковского у., Владимирской губ., И. Ф. Сутягине, 19 л., крестьян. с. Масловки, Васильевского у., И. Д. Шибяеве, 24 л., крестьян. с. Пиловальки, Курмышского у., Симбирской губ., В. Н. Солдатове, 29 л., крестьянине с. Козина, Балахнинского у., А. П. Баранове, 17 л. и крестьянине с. Бахаревки, Курмышского уезда, Симбирской губ., Я. С. Полозове, 25 л., обвиняемых в преступлении, предусмотренном 252 ст. Ул. о нак.

В конце 1901 г. в с. Сормове, Балахнинского уезда, и на Сормовских заводах в различное время были найдены преступные воззвания, обращенные к рабочим. С наступлением 1902 г. появление таких прокламаций возросло и особенно усилилось в апреле месяце. Запрещенные листки, изданные типографским способом или воспроизведенные посредством мимеографа и гектографа, разбрасывались первоначально в черте заводов, между 5 и 6 час. утра, после окончания ночной работы, и мастеровые находили их на станках и в ящиках. Заводскою администрацией и полицией было учреждено неослабное наблюдение за цехами, вследствие чего появление воззваний в них прекратилось, но было замечено в Сормовском поселке, преимущественно в тех улицах, которые идут к заводу. Не ограничиваясь этим, неизвестные злоумышленники расклеивали свои произведения на стенах заборов и столбах. Таким образом, в заводах и с. Сормове было найдено: 27 ноября 1901 г. — несколько воззваний «Нижегородского Ком. С.-Дем. Партии», от 25 ноября — «К вагонным кузнецам», с приглашением заявить требования о введении порядка повышений и объявлений расценок и вежливом с рабочими обращении мастера, при чем указывалось, что путем массовых забастовок и бунтов рабочие добились издания законов о штрафах, расценках и введении одиннадцатичасового рабочего дня. В этом же воззвании обращается внимание рабочих на то, что им нечего рассчитывать на поддержку со стороны губернских властей. Там же обнаружена 6, 7, 8 и 9 декабря «Нижегородск. Рабочая Газ.» № 1, 11 декабря — воззвание «Ко всем сормовским рабочим», 22 и 23 декабря — 38 экз. листка, озаглавленного «Ко всем нижегородским рабочим», 5 и 6 марта

* Автор передовой статьи № 9 «Освобождения» ошибочно думает, что новые политические процессы являются первыми со времени дела Софьи Гинзбург (1890 г.), если не считать последних дел о террористических покушениях. Хотя изредка, но политические процессы происходили во все время 90-х годов, являясь, конечно, редкими исключениями, только подтверждавшими общее правило «административной» расправы. Нам известно дело Каурихина и Архангельского в Казани (1892 г.) о покушении на губернатора; дело «пролетариата» Славинского в 1892 г. в Варшаве; дела вольноопределяющихся Виктора Вейнштока и Биндера — в Спб. и Варшаве в 1893 г.; дела рабочих Грубецкого, Клепсателя, двух Карчмарек и Циммермана — в Лодзи в 1895 г. и, наконец, 3 дела об убийстве шпионов в Польше в 1900 году.

1902 г. — «Нижегородская Рабочая Газета» № 2, 31 марта — та же газета № 3, в количестве более тысячи экзempl., 11 апреля — та же газета № 4, а 26 апреля — № 5 той же газеты, с заголовком «Первое мая»*. Характер этих изданий постепенно видоизменялся; авторы не ограничивались только экономическими требованиями, но призывали рабочих к политическим демонстрациям, имеющим конечную целью ниспровержение существующего порядка управления. Почти все листки заканчиваются требованиями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Кроме таких преступных подстрекательств, в некоторых изданиях помещены песни революционного содержания: «Дружно, товарищи, в ногу!», «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами!». В № 5, озаглавленном «Первое мая», Нижегородский Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии, объясняя рабочим значение этого дня, приглашает всех бросить работу, выходить на улицу и идти толпой с пением революционных песен и с красными знаменами, на которых должны быть изображены перечисленные выше дерзостные восклицания. Независимо от преступной пропаганды путем воззваний, на заводах стали распространяться слухи о готовящихся беспорядках, при чем с первого января по первое мая назначались для такихых те или другие дни. Все описанные действия злоумышленников вызвали к первому мая тревожное настроение среди рабочих, некоторые из коих дня за три до этого числа получали приглашения от своих товарищей, как, напр., от крестьянина Алексея Быкова, бросить первого мая работу. Совокупностью показаний свидетелей-очевидцев (следуют имена)... установлено, что первого мая работы на заводе начались в полном порядке, после 12 час. часть мастеровых, согласно их просьбе, по примеру прошлых лет, была освобождена от занятий, при чем на работах оставалось около 5.400 чел. До двух часов дня в Сормове все было спокойно. Часу в третьем на Большой улице, по направлению от Дарьинских выселков и Дарьинского леса, стали появляться отдельные группы рабочих, среди которых слышались игра на гармониях, брань и пение фабричных песен. Бывший в наряде полицейский надзиратель Высоцкий пытался остановить тех из упомянутых лиц, которые наиболее шумели, при чем обратил внимание, что крестьянин Егор Наумов, собрав около себя толпу рабочих, шел по названной улице, играя на гармонике и особенно громко выкрикивая какую-то песню. В другой группе выделялся раб. Осип Матвеев, который, находясь в нетрезвом состоянии, бранился и кричал. Вскоре он отделился от своих товарищей, после чего и был задержан. При обыске у Матвеева оказалось в кармане воззвание «Ко всем русским рабочим», отпечатанное в типографии революционного журнала «Искра» и заключающее в себе требование устроить первого мая демонстрацию. Отдельные группы рабочих соединялись между собой, толпа стала увеличиваться, и настроение ее делалось все более и более возбужденным. В толпе начали раздаваться крики: «Долой царя! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует дружина социалистов!». В руках и на палках появились красные платки и, по показанию полицейского урядника Архипова, был выкинут красный флаг с какою-то надписью, которую он не мог разобрать, так как в него, свидетеля, бросили камнем. Флаг этот то поднимался, то опускался, и Архипов в числе стоявших около него рабочих заметил мастерового Михаила Самылина. Среди шумевшей толпы находились Никифор Фролов, приглашавший стоявших на улице лиц присоединиться. Михаил Богатырев, Петр Заломов, Алексей Быков, Иван Сутягин, Иван Шибяев, который махал красным флагом, прикрепленным к палке, и кричал: «собирайтесь сюда!», а также Василий Солдатов и Алексей Баранов. Все эти лица расхаживали по улице с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!». В это время на Большой улице собралось около 2.000 чел. Старания полиции водворить порядок оказались безуспешными, и толпа двигалась сплошной массой. На все просьбы разойтись отвечали бранью и бросали камни, при чем получил удар в лицо жандармский унтер-офицер Иван Рогалев. Возбу-

* Это говорится про «Листки Нижегородской Рабочей Газеты». Их было 5 номеров.

ждение толпы постоянно росло, и оскорбления наносились не только полиции, но даже и священнику, который, проходя с иконой владим. божией матери, подвергся глумлению. В 6 час. на заводе окончилась дневная работа, и после свистка к толпе примкнула значительная часть находившихся до этого на заводе мастеровых. Участники беспорядка несколько раз прошли по Большой ул., имея на палках и в руках красные платки, распевая революционные песни: «Собирайся, народ, под знамя свободы» и «Дружно, товарищи, в ногу!». Это пение, которое, как удостоверил свидетель Рогалев, начинал Михаил Самылин, неоднократно покрывалось криками Алексея Быкова, Наумова и др.: «Долой самодержавие! Долой царя! Да здравствует политическая свобода!». На углу Ал.-Невской ул., на повороте к заводу, толпа, во главе которой шли Ал. Быков, Заломов, Дружкин и Наумов, остановилась, повидавшему, для обсуждения дальнейших действий. Раздалось требование «настоящего знамени», на что Заломов отвечал: «успеем». Одни предлагали идти к заводу и заявить свои требования об увеличении заработной платы и уменьшении рабочего дня, а Заломов, Самылин и Мих. Быков, по показанию свидетеля Коллина, уговаривали продолжать демонстрацию. После этого толпа разделилась, и часть ее, чел. в сто, с теми же преступными возгласами направилась к городской конторе. Среди этой части участников беспорядков крестьянин Сергей Тихонов заметил красный флаг, который нес на палке неизвестный человек, а рядом с ним шли Петр Дружкин и Ал. Ляпин, кричавшие: «Долой царя! Долой самодержавие!». В это же время Ал. Быков, заподозрив в Швилли полицейского агента, ударил его палкой по голове. Незадолго перед нападением на завод полицейский надзиратель Высоцкий и урядник Комаров, заметив, что беспорядки принимают угрожающий характер, передали об этом дирекции завода и распорядились запереть и укрепить ворота и входные двери, а местный исправник сообщил начальнику губернии о возникшей опасности, вследствие чего к заводу был немедленно отправлен 238 Клязьминский резервный батальон. Несмотря на то, что Заломов и Самылин продолжали настаивать на спокойном объявлении заводской администрации своих домогательств, часть бесчинствовавших, с криком: «Бей! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!», приступила после 8 час. веч. к насильственным действиям. В заводской конторе и в канцелярии полицейского пристава были выбиты окна. Несколько камней было брошено в окна директорского кабинета, расположенного во втором этаже, и, наконец, бесчинствовавшие рабочие пытались выбить ворота, но были остановлены своими же товарищами, которых заведующий материальным отделом Матвеевский и инженер Заварицкий успели собрать для защиты завода.

Несolidарность товарищей и раздавшийся барабанный бой, указывавший на появление войска, подействовали на толпу, которая стала разбегаться. Во время бесчинств у завода большая часть манифестантов оставалась на Большой ул., к ней присоединились и возвращавшиеся от завода рабочие, и толпа с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!» подняла красное знамя, на котором белой краской был написан тот же дерзостный призыв, и с пением революционных песен направилась к Дарьинскому выселку. Знамя нес на древке Заломов; Алексей Быков, по показанию свидетеля Шмерли-Швилли, поддерживал другой его конец, чтобы яснее была видна надпись, около них шел Мих. Самылин, а Яков Полозов выкинул красный флаг меньшего размера, с надписью: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Едва все эти лица стали приближаться к Дарьинской проходной, как показалась первая рота Клязьминского батальона. По команде ротного командира, штабс-капитана Крылова, нижние чины, взяв ружье «на руку», устремились на участников демонстрации, но последние с криком стали наступать на солдат, вследствие чего и были окружены. Вырвав у Заломова знамя, штабс-капитан Крылов задержал его и Дружкина, который, по показанию этого свидетеля, растягивал свободный конец флага, при чем Заломов сказал: «Что вы меня держите? я ведь не вбегу!». Нижние чины роты успели взять из толпы чел. 15—17, а остальные разбежались по сторонам. Когда рота с арестованными двинулась дальше, в нее были брошены три

или четыре камня, из которых один попал в ногу фельдфебеля. После предупреждения, что будут стрелять, бросание камней прекратилось, а вместе с тем, прекратились и самые беспорядки. В тот же вечер, по показанию свидетеля Лазарева, крестьянин Иван Шибаев, вернувшись домой, высказал удовольствие по поводу того, что ему удалось ускользнуть от солдат и что они не всех задержали, вследствие чего он, Шибаев, и был арестован. По показанию управляющего заводом, инженера Мешерского, в 1901 и 1902 гг. до дня беспорядков никто из рабочих не обращался к нему с требованиями об увеличении заработка и уменьшении часов рабочего дня. По удостоверению же свидетелей Старцева, Матвеевского и Заварицкого, во все время беспорядков бесчинствовавшие рабочие не требовали повышения рабочей платы и не жаловались на заводские порядки. Событие первого мая не оказало никакого влияния на ход работ, так как на другой день на работу вышли все люди, во всех мастерских. 5 мая был разбросан листок, сообщающий о бывших первого мая беспорядках, с указанием на вред, вызванный разгромом заводской конторы, послужившим поводом к вызову войск, на доблестное поведение небольшой толпы, ограничившейся политической манифестацией, и на героическое поведение несшего красное знамя, который один, не боясь солдатских штыков, твердо стоял на своем посту. Сообщение заканчивалось выражением надежды, что пример этого знаменосца возбудит в рабочих неуждержимо твердое желание бороться за свободу и что к будущей демонстрации присоединится большая часть сормовских рабочих, — а также призывает к жертвованиям в пользу арестованных.

Из обвиняемых виновным признал себя лишь Яков Полозов, который показал, что в толпе демонстрантов были Михаил Быков, Наумов, Самылин, Богатырев и Заломов. Сверх того, Полозов показал, что в конце 1901 г. до него дошли слухи, что в Сормове организовалась Партия социалистов. Желая узнать, что у них делается, Полозов стремился попасть в возникший кружок. Это ему удалось, и с января 1902 г. он стал уплачивать по 2 коп. с каждого заработанного рубля, каковые деньги, как он слышал от представителя кружка, рабочего Дмитрия Углева, поступали к казначею ассоциации Михаилу Самылину. Перед масляной неделей, в 10 час. вечера, в деревне Починках, Балахнинского уезда, было общее собрание членов кружка: на собрании этом, среди других лиц, присутствовали: Заломов, Самылин и Богатырев. Обсуждался вопрос об устройстве 1 мая в селе Сормове демонстрации, при чем было высказано желание, чтобы она носила «мирный характер» и т. д. Словом, вполне «чистосердечное» признание. Полозов, не в пример прочим обвиняемым, до суда находится на свободе.

Все остальные обвиняемые «отрицали безусловно свою виновность», либо отвергая факт своего участия в толпе, либо объясняя его посторонними причинами. Обвиняемый Ляпин, объясняя, что был во время демонстрации только зрителем, показал, что в толпе демонстрантов видел Дружкина.

Из числа свидетелей, на которых ссылались обвиняемые, отрицавшие свое участие в демонстрации, часть подтвердила эти ссылки.

Заключение обвинительного акта гласит:

Такие-то подсудимые, «на основании всего вышеизложенного...», обвиняются в том, что 1 мая 1902 г. в с. Сормове, Балахнинского у., с целью дерзостного порицания самодержавной власти и установленного законами образа правления, учинили шествие по Большой и Александроневской улицам с пением революционных песен, выкинув красные флаги, на одном из которых имелась надпись: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода», и дозволили себе, как во время этого шествия, так и при совершении насильственных действий у Сормовского завода, неоднократно кричать: «Долой царя! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!», — т. е. в преступлении, предусмотренном 1 и 2 ч. 252 ст. Улож. о нак. Вследствие сего и согласно 2 п. 1030 ст. Уст. Уг. Суд., все вышепоименованные лица подлежат суду Моск. Суд. Палаты с участием сословных представителей.

Сентября 12 дня 1902 года, город Москва.

Тов. прок. Суд. Палаты П. Курлов.

БОБЧИНСКИЕ В ОППОЗИЦИИ.

В почтовом ящике «Освобождения» (№ 9) г. Струве жалуется одному из своих корреспондентов на «неприятную враждебность», проявляемую некоторыми «революционерами».

Намек слишком ясен. Но нам, в свою очередь, непонятна «непонятливость» г. Струве. Мы всегда указывали и готовы указать еще раз, что наша «враждебность» направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служит приютом филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говорит голосом честного гражданина-демократа, мы всегда готовы его приветствовать.

Но к крайнему ущербу для собственной политической физиономии и к великому вреду для дела, которому он хочет служить, г. Струве не находит в себе отваги отказаться раз навсегда от роли литературного представителя земско-политического Massigkeit Verein'a (общества воздержания) и уверенной ногой стать на единственно-возможный, т. е. революционный, путь освобождения родины.

Г. Струве тяготеет к тяжеловесной земской оппозиции. Тут еще нет греха. Но чем авторитетнее «Освобождение» в земских сферах, тем обязательнее для его редактора выступать со словом решительного осуждения в тех случаях, когда обслуживаемые им земские деятели пытаются упрятать свои гражданские чувства в расщелины междуминистерских столкновений.

Г. Струве энергично полемизирует с «Моск. Вед.», которые, глумясь над Суджанским уездным комитетом, уподобляют его деятелей Добчинскому и Бобчинскому. «Если г. Евреиннов—Добчинский,—восклицает г. Струве,—то что же такое об'явленный ему высочайший выговор?».

Говорят, что истина нередко открывается через младенцев. Повидимому, иногда также и через юродивых злецов. Потому что «Моск. Вед.», уподобляя Евреиннова Добчинскому, поразительно близки к истине. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть рабье послание «почтенного земского деятеля» министру финансов*.

«4 августа. Ст. Вилейки, в ожидании поезда.

«Ваше Высокопр-ство, глубокочтимый Сергей Юльевич!

«Чтобы указать, что я не был голословен, когда говорил Ваш. Высокопр-ству, что при тех условиях, в которые ставит местные комитеты мин. вн. дел., невозможно работать, позвольте вам послать вырезку из газеты «Русск. Вед.» о заседании Пензенского губерн. комит. и Саратов. уездн. Из этого отчета Вы изволите усмотреть, что губернаторы не позволяют поднимать общих вопросов (то же самое было в Курском губерн. ком.), и уезды с ретроградами во главе занимаются лишь изыскиванием мер упрятывать полегче мужика в тюрьму. Очевидно, что при таких условиях Особое Совещание немного узнает об общих нуждах сельско-хозяйственной промышленности, и великое серьезное дело, Вами прекрасно задуманное,

может окончиться ничем, или очень малым. Мин. Вн. Дел поставил мне в вину, что я в уездном комитете поднимал общие вопросы, которые не входят в виды правительства; но общий вопрос о нуждах сельско-хозяйственной промышленности поставлен Особым Совещанием и его председателем. Кто же эти лица, как не то же правительство? И разве Ваше Высокопр-ство не такой же представитель высшего правительства, как и другие министерства, и почему Ваши требования для нас менее обязательны, чем неизвестные для нас желания других? Здесь кроется, очевидно, недоразумение, и мы за это платимся, а нам вместе с тем видно очень ясно то плачевное положение, в котором приходится жить в провинции. С одной стороны, запуганное и запугиваемое, вынужденное к молчанию, общество, с другой — разнузданная кучка анархистов, ничего не боящаяся, даже виселицы, и между ними мечущееся министерство внутр. дел, бесплодно ведущее борьбу с этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные земледельцы, боимся не менее министерства внутр. дел. Все эти убийства, волнения и погромы не дают мирно трудиться и даже жить спокойно. И вот, едва на сделанный правительством же запрос я и наш уезд хотели правдиво ответить, что тормозит нашу жизнь и главное наше занятие, сельско-хозяйство, как поднялись громы и молнии на осмелившихся сказать правду.

«Простите великодушно мою смелость писать Ваш. Высокопр-ству это частное письмо, но я считал своим долгом подтвердить фактами мои слова.

Глубоко Вас почитающий и искренно глубоко Вас уважающий, преданный вам А. В. Евреиннов».

Мы оставляем в стороне цинично-откровенный страх собственника перед «разнузданной кучкой анархистов, ничего не боящейся, даже виселицы»... Но и во всем остальном — какая поразительная смесь «долга» и личного «достоинства» с лакейской угодливостью и лезть. Какая гражданская отвага в этом стремлении торопливо укрыться от громов «его высокопревосходительства» от внутренних дел за спину «вашего высокопревосходительства» от финансов! Разве вы не видите Петра Ивановича Добчинского, который петушком, петушком бежит за экипажем «искренно и глубоко почитаемого и уважаемого» С. Ю. Витте и почтительно-торопливо докладывает ему, что если он, Петр Иванович, и прижил некоторые резолюции вне легального брака, то это ничего, «ибо все было так же, как бы и в браке»: разве, в самом деле, «Ваше Высокопревосходительство не такой же представитель высшего правительства?» Разве вы не наши отцы, и мы не ваши дети?

О, это земское холопство и оппозиционное лакейство!.. Какие же египетские казни, какие российские скорпионы нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконец, угодливо-согнутой спину либерального земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручным «представителей русского правительства», но уверенным в себе работником народного освобождения?!

[Н. Троцкий]

* См. бюллетень «Рев. России» № 76.

К ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДЕ В ВОЙСКАХ.

Военный Министр.

Копия с копии.

Главному Военно-Судному

Секретно.

Управлению.

12 авг. 1902 г. № 236.

М. Г.

(Командующий войсками округа).

Попытки политических агитаторов к распространению в войсках пропаганды, составлявшие ранее сравнительно редкое явление, за последнее время участились и сделались настолько дерзкими, что вызывают необходимость обратить на них серьезное внимание. Так, из донесений военных начальников и сообщений М. В. Д. и Юстиции видно, что в мае 1901 г. были найдены прокламации в казармах 116 пех. Малоярославского полка; в том же месяце из штабс-капитана 141 пех. Можайского полка Шереметева были присланы из-за границы две возмутительного содержания брошюры, под заглавием «Политика и офицеры» и «Уничтожение постоянных армий»; в августе того же года всем офицерам 27 пех. дивизии были доставлены подставными почтальонами воззвания к «офицерам» от «Виленской с.-д. группы», упрекающие офицеров в том, что они являются по приказу начальства «пзачами честных тружеников» и призывающие их «отказаться от этой позорной роли»; копия с этого воззвания была затем (в февр. 1902 г.) разослана по почте офицерам московского гарнизона и доставлена, также по почте, в офицерскую стрелковую школу; в январе 1902 г. подпоручику 9 гренадерского Сибирского полка Шельминову было доставлено письмо противоправительственного содержания, заключающее в себе энергичный призыв к общему отказу от военной службы; в том же месяце было обнаружено распространение, посредством списывания, и даже литографирования в полковых канцеляриях, среди нижних чинов 65 пех. Московского Его Величества, 66 пех. Бутырского и 21 драгунского Белорусского полков рукописи преступного содержания, под заглавием «Солдатское отче наш», возбуждающей солдат против их начальников; в феврале и марте офицерам петербургского гарнизона рассылались прокламации, приглашавшие их стать вместе со студентами в ряды политических демонстрантов; в апреле офицерам виленского гарнизона снова рассылалась по почте прокламация «Росс. С.-Дем. Раб. П.», убеждавшая их примкнуть к «общерусскому революционному движению»; в том же месяце во дворах казарменного расположения войск Красноярского гарнизона оказались подброшенными в большом количестве прокламации «Сибирск. С.-Дем. Союза», озаглавленные «Войскам Красн. гарнизона», убеждающие нижних чинов «не поднимать оружия против своих братьев-крестьян и рабочих, борющихся за правое дело»; в том же апреле и в мае было замечено распространение в значительном количестве среди нижних чинов 13 пех. дивизии прокламаций под заглавием «К солдатам» и так называемых «памяток», призывающих к неповиновению Царю и к свержению правительственных властей, как незаконных и несправедливых, а затем обнаружены и попытки личного воздействия агитаторов на нижних чинов дивизии; при чем среди этих агитаторов оказалось не мало нижних чинов расположенных в Севастополе морских команд. Наконец, в марте 1902 г. была открыта организованная пропаганда среди нижних чинов лейб-гренадерского Екатеринославского полка, веденная уже не посторонними только армии лицами, но и самими нижними чинами, при чем во главе этой организации стоял рядовой (из дворян) названного полка Альшанский, умышленно скрывший при призыве свои права на сокращенный срок службы, чтобы иметь возможность дольше вести пропаганду среди нижних чинов; за время своего пребывания в полку Альшанский энергично пропагандировал революционные идеи как посредством личных бесед с нижними чинами, так и посредством раздачи им значительного количества брошюр, прокламаций и т. п., при чем некоторые нижние чины являлись прямыми сотрудниками преступной деятельности Альшанского, другие же являлись попустителями и недоносителями. Заслуживает также

особого внимания тот факт, что в числе лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по делу о недавних аграрных беспорядках в южных губерниях, оказался подпоручик 133 пех. Симферопольского полка, Пасько, изобличенный и сознавшийся в распространении среди крестьян Полтавской губ. различных брошюр и воззваний преступного содержания. Приведенные примеры, по всей вероятности, далеко не исчерпывают еще всех, имевших место за последнее время, случаев проникновения тем или иным путем пропаганды в войска, так как есть полное основание предполагать, что многие из таких случаев, при достаточной осторожности и скрытности действий подпольных агитаторов, остались неизвестными не только высшему, но и ближайшему военному начальству. Тем не менее, и эти примеры достаточно свидетельствуют о весьма настойчивом стремлении революционных и социалистических кружков к распространению своих идей среди военнослужащих как посредством рассылки по почте на имя офицеров и нижних чинов и разбрасывания в местах расположения частей войск преступных воззваний, прокламаций и т. п., так и посредством личных сношений с нижними чинами агитаторов, в числе которых оказались даже лица, состоящие на действительной военной службе.

Признавая ограждение армии от тлетворного влияния политических лжеучений делом первостепенной государственной важности и возложив на Главное Военно-Судное Управление всестороннее обсуждение вопроса о средствах борьбы с вышеупомянутым прискорбным явлением, я, вместе с тем, долгом считаю просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мне Ваше мнение о том, какие меры Вы, с своей стороны, признавали бы в сем случае наиболее целесообразными и необходимыми.

Подлинный подписал А. Куропаткин.

Циркуляр разослан командующим войсками всех военных округов.

«Неблагоприятные следы» правительственной мудрости.

Командир ... армейского корпуса.

Сентября ... дня 1902 г. Копия. Конфиденциально.

№ ...

(Командирам тех полков, в которых отбывали солдатчину студенты по временным правилам.)

По имеющимся в М. В. Д. сведениям, пребывание в войсковых частях студентов, зачисленных на службу, на основании временных правил (указ по Военн. Вед. 1899 г. № 297), оставило неблагоприятные следы во всех, вообще, войсках, где названные лица служили. Независимо сего обнаружено, что один из студентов, пользуясь будто бы, благодаря проявленной к нему командиром полка слабости, большой свободой, вредно влиял не только на нижних чинов, но даже и на офицеров полка; по увольнении от службы, означенный студент имел будто бы переписку, неполитического, впрочем, содержания, как с офицерами, так и с нижними чинами той части войск, где он состоял на службе. Вследствие запроса по сему предмету, за Воен. Министра Начальника Гл. Штаба, Командующий Войсками Округа просит собрать и доставить самые тщательные сведения о том, не наблюдалось ли подобных явлений во вверенном Вам полку.

Шемякин суд в Валках.

Валки, Харьк. губ., 1 октября. Харьковская судебная палата, в особом присутствии которой рассматривалось дело валковских крестьян, лишний раз обнаружила холопскую зависимость нашего «скорого, правого и милостивого суда» от велений свыше. Н. В. Муравьев (надо

отдать ему дань удивления) с большим искусством и знанием человеческой природы подобрал личный состав высших судебных учреждений. Благодаря умелому выбору г. министра юстиции, проделанным им и его предшественником «исправлениям» судебных уставов, «исправлениям», которые в значительной степени поколебали независимость и несменяемость наших судей, последние, в настоящее время, за весьма редкими исключениями, мало отличаются от прочей чиновничьей челяди и в руках самодержавных министров являются таким же послушным орудием произвола и беззакония, как какой-нибудь городской или урядник. Валковский процесс может послужить недурной иллюстрацией этой печальной и далеко не новой истины.

К делу было привлечено 1.090 обвиняемых и около 500 свидетелей. Можно было бы, конечно, обойтись и без свидетелей, засадив их также на скамью подсудимых. Я думаю, что гг. следователи так бы и поступили, если бы не вынесли из стен университета понятия о формальном различии между судебным процессом и административной расправой. Так как им велено было творить суд, а не расправу, они и выделили из поруганной, избитой крестьянской массы свидетелей и обвиняемых. Разделяя участников на овец и козлищ, гг. следователи руководствовались, очевидно, количеством и качеством знаков, оставшихся на теле привлеченных к дознанию после экзекуций князя Ивана.

У кого телесных повреждений было меньше, тот попал в свидетели, у кого больше — в обвиняемые. Я так смело говорю это потому, что в числе последних оказались заведомо невинные люди. Очевидно, что гг. следователи бросали в тюрьму первого встречного, всякого, кто попадался под руку. Ставить им это в особую вину, конечно, нельзя: все принимали участие в беспорядках, секли также всех, не разбирая, кто «разграбил» помещичьи запасы, и кто «с преступным попустительством» смотрел на расхищение панского добра, не принимая в нем непосредственного участия. Так решили и Плеве и великий государь: все виноваты, на всех наложить дань. Притом же необходимо было спешить для того, чтобы показать вышедшему из повиновения народу и волнующемуся обществу, что свирепый князь Иван — это так, для порядка, и что, кроме него, есть на Руси скорый и милостивый суд.

Подобно следователям, действовали и судьи. Когда защитники обвиняемых на судебном следствии попытались было выяснить обстоятельства, при которых совершалось «восстановление порядка» в охваченных волнениями селениях, т. е., попросту говоря, вывести на чистую воду все гнусности и жестокости, совершенные Оболенским и его присными над крестьянами, и напомнить суду исконное судебное правило — «не отмстиши дважды за едино», — судья решительно запретил им касаться этой стороны дела. Да и, конечно, зачем? зачем волновать умы? (Судьи не очень полагаются на закрытые двери своих зал.) Зачем напрасно смущать человеческие сердца картинами нечеловеческой расправы над безоружным покорным народом? Зачем раскрывать гнойные язвы страны, истерзанной бешеными собаками самодержавия? До них нет дела суду! Это «внутренняя политика», которой должны быть чужды «бесстрастные» слуги закона!..

Защитники поняли, что оставаться дольше среди этих лакеев Муравьева значило бы участвовать в гнусной судебной комедии, которую так цинично разыгрывала харьковская судебная палата. Они поняли, что их песня спета и их долг отказаться от защиты. Так они и поступили. Удалившись в совещательную комнату, через несколько минут они вынесли оттуда заявление, прошедшее через закрытые двери суда и разлетевшееся по всей России*.

Смущенный, поблудневший председатель принял это заявление, и защитники покинули судебное заседание. Этим, в сущности, закончился судебный процесс, так как дальше уже началось ничем не прикрашенная, упрощенная судебная расправа. Говорил обвинитель. «Перед вами, гг. судьи, — сказал он в своей речи, — не бунтовщики, не революционеры, а такие же, как и мы, верноподданные русского царя, только сбитые с толку, обманутые врагами

народа». В виду этого прокурор не настаивал на тяжелом наказании. Суд отнесся к подсудимым, по российским законам, довольно мягко, и присудил их подвергнуть годичному тюремному заключению. Вместе с тем, суд постановил ходатайствовать перед верховной властью о сокращении заключения до 6 месяцев. Как видите, очень мягко, очень милостиво. Сначала разорили, искалечили нравственно и физически, а в заключение — милостивое царское решение — полгода тюремного сидения...

Обвинитель говорил об обмане темного народа. Да, действительно, его обманули. Но обманули его не мы, революционеры, и в частности, не мы, социал-демократы. Обманули его вы, «защитники правды и порядка», обманула его беспросветная тьма, в которой держите вы его и из которой не даете выбиться ему к свету науки и правды.

В настоящее время не подлежит уже никакому сомнению, что все слухи и толки о генералах, о подложных манифестах — совершенная чепуха и ложь, первоисточника которой надо искать в головах ошалевших от злобы и страха гг. помещиков и в застенках жандармских управлений. Ни один из привлеченных к делу крестьян ни словом не обмолвился о таком обмане.

Со слов потерпевших (вот настоящее имя для валковских «бунтовщиков») мотивы, заставившие их «разбирать панские экономии», как довольно точно называют они форму, в которую вылилось крестьянское движение, заключаются в следующем: стали ходить по народу листки и книжки, в которых говорилось о том, что земля должна принадлежать трудящемуся люду, а не панам-дармоедам. В этих листках говорилось и о многом другом: о неправильном распределении налогов, о невыносимом бремени податей, об ином, не самодержавном государственном строе, при котором народу легче будет выбиться из сети пауков-помещиков и капиталистов, но это другое не могло воспринять большинство не привыкшей мыслить крестьянской массы. Все думы и чувства мужика сосредоточились на одном, на необходимости земли, и идея национализации земли, своеобразно преломившись в крестьянском сознании, одна запала в умы, одна осталась в них из всех мыслей, которым были посвящены прокламации и брошюры. Если принять во внимание, что свободное печатное слово непосредственно было воспринято, сравнительно, немногими, до большинства же дошло в перетолкованном и дополненном крестьянской фантазией виде, то совершенно станет понятно, откуда взялось «разрешение разбирать панские экономии», и каким образом прокламации, призывавшие крестьян свергнуть царя-самодержца, превратились в «росписки», в которых крестьянам этим самым царем давалось это разрешение. Однако, сами по себе листки и книжки вряд ли натолкнули бы валковских крестьян начать свой, только в России возможный, «бунт». Как указывалось в свободной прессе, революционное семя упало на подготовленную почву. — Шутка сказать — на душу крестьянского населения Валковского уезда приходится, в среднем, не более одной десятины! При этом полное отсутствие энергии, глубокая косность и рутинность. На заработки крестьяне почти не ходят. «Куда итти? Отцы не ходили и нам не велели».

Но, быть может, несмотря на наличность этих тяжелых условий, сами валковцы не двинулись бы в помещичьи усадьбы, если бы не слухи о том, что поднялась полтавщина. Эти слухи окончательно взбудоражили валковцев и явились первой искрой, от которой запылал пожар в уезде. Я не стану описывать самого процесса «разбора» экономий, так как об этом достаточно говорилось в печати. Скажу только, что разбор совершался в замечательном порядке и чинился по самой строгой справедливости. К амбарам подходили голова в голову так, как это делается перед билетными кассами театров или железнодорожных вокзалов. Кому не хватало зерна, того вознаграждали чем-либо другим, равноценным. Безлошадных наделяли лошадьми, бескоровных — коровами. В самых усадьбах отчуждали, в большинстве случаев, только поля (очевидно, считали, что это излишняя роскошь), утвари же, вообще говоря, не трогали, оставляя дома со своей движимостью, кроме хозяйственных вещей и «15 десятин» в пользование владельца.

* См. № 26 «Искры».

Из всего сказанного явствует, что крестьяне отнюдь не думали, что совершают уголовно наказуемые деяния. В их глазах «разборка экономий» была таким же законным, правомерным делом, как передел полей и разверстка лугов. Даже солдат на первых порах они приняли не как усмирителей, а как военную силу, посланную наблюдать, чтобы при дележе панской земли и добра не было бы между ними ссор и напрасных пререканий. Скоро на своих спинах они поняли ошибку и немедленно покорно стали исправлять свой грех перед царем. И усмирение было тем возмутительнее, что в нем не было никакой надобности. Секские крестьяне солдаты под руководством офицеров (это факт!) секли их не в целях прекращения движения, а потому, что надо было наказать бунтовщиков, чтобы в другой раз они не посмели осуществлять своих мечтаний. Секли уж тогда, когда крестьяне добровольно возвращали взятое у панов добро и хлеб, обнаруживая этим полное и явное сознание ошибочности своих действий.

К 200-летию присоединения Шлиссельбурга. 11 октября Шлиссельбург был местом исторического торжества: высочества, преосвященства и превосходительства праздновали двухсотлетие того дня, когда Петр I, взяв «зело жестокий орех» (Нотебург или Орехгород), поздравил подданных «сею викториєю». С тех пор Шлиссельбург служит одновременно и «окном в Европу» и... важнейшей государственной тюрьмой.

Празднуйте, празднуйте, господа, — сегодня вы еще хозяева положения. Увы! Кто поручится за завтрашний день?

Но спокойно ли вы пировали в виду тюремных камней, которые впитали в себя трагическую повесть одиноких героев, павших в борьбе с самодержавием?

Не раскрыл ли вам очей страх перед зловещим для вас завтрашним днем? Если так, то вы должны были видеть, что по крепостным стенам Шлиссельбурга до сего дня бродят неотомщенные тени замученных вами рыцарей свободы. Они взывают о мести, эти страдальческие тени. Не о личной, но о революционной мести. Не о казни министров, а о казни самодержавия.

Сколько негодования будит в груди это «патриотическое» празднество, этот букет «высоких» негодяев, эти лицемерные речи, эти лицемерные клики — на проклятом острове, который был местом казни Минакова, Мышкина, Рогачева, Штромберга, Ульянова, Генералова, Осипанова, Андреюшкина и Шевырева, — в виду каменных мешков, в которых Клименко удушил себя веревкой, Грачевский облил себя керосином и сжег, Софья Гинсбург заколола себя ножницами, — под стенами, в которых: Щедрин, Ювачев, Коношевич, Похитонов, Игнатий Иванов, Арончик и Тиханович погрузились в безысходную ночь безумия, а десятки других погибли от истощения, цынги и чахотки.

Предавайтесь же патриотическим вакханалиям, ибо сегодня вы еще господа в Шлиссельбурге!

[Н. Троцкий]

Чернигов. «Умеренность обязывает», — заявляет «Освобождение», обращаясь к российским либералам, или, как оно выражается, «к отцам и умеренным». У нас, в Черниговской губернии, умеренность, повидимому, несколько не обязывает противиться царящему произволу... Среди черниговских либералов не только нет и речи о том, чтобы «бросить на весы истории свои политические действия, свое гражданское мужество», тут даже не умеют отстаивать и те, поистине нищенски жалкие права, которые значатся в законе...

Существует 286 ст. общ. губ. учреждения, которую должны руководствоваться и земства и губернская администрация в деле приглашения (функция земских управ) и утверждения (функция губернаторов) служащих в земстве. В силу этой статьи, губернатор обязан в течение двух недель ответить данной земской управе, встречается ли со стороны администрации препятствие к приему данного служащего на место или нет? Никакие отсрочки или условные ответы законом не предусматриваются и, след., не разрешаются. Но, как говорят остряки, если по закону всегда ходить, то его можно истоптать, и тогда закона вовсе не останется. Держась этого мнения и памятуя, что он является в Черниговской губ. представителем фирмы «Ника-Милуша и К^о», губернатор Андреевский всякими способами доезжает земство или, вернее, тех его представителей, которые не отвечают видам правительства. Представляет, напр., какая-нибудь земская управа губернатору на утверждение какой-нибудь «третий элемент». Губернатор или отвечает только через несколько месяцев — иногда даже через 5 мес. — или отвечает, хотя бы и через две недели, но условно, в таком роде: «приостановить с назначением Х. впредь до особого распоряжения». Что губернатор поступает таким образом — в этом нет ничего удивительного: губернатор не был бы губернатором, если бы он вздумал поступать по закону. Но едва ли приличествует представителям земства отказываться от прав, уже предоставленных им самим Николаем II. Чтобы защищать эти права, не приходится «бросать на весы истории свое гражданское мужество», нужны только самые простые, или, если угодно выразиться языком «Освобождения», самые «умеренные» действия — в данном случае такие: данная земская управа посылает губернатору «третье лицо» на утверждение и если, по прошествии двух недель, его превосходительство не соизволило дать никакого на это ответа, или дало ответ не законный (напр., «приостановить с назначением впредь до особого распоряжения»), она должна немедленно же — на основании 286 ст. — считать это «третье лицо» утвержденным и немедленно же допустить его к исполнению своих обязанностей. Кажется, просто? Ведь нужно только «мужество» действовать по статье закона, специально на данный предмет существующей и неотмененной... И, однакоже — ни одна из 16 земских управ Черниговской губ. (15 уездных и одна губернская) так не поступает!! Представители земств Черниговской губ. предпочитают не раздражать законностью местного царька-губернатора.

Разумеется, в случае конфликта на этой почве, губернатор, в конце концов, поставил бы на своем. Но, ведь, важен здесь не «практически» результат, важно то, чтобы ни один акт произвола и насилия, učinяемый представителями самодержавия, не оставался без протеста, без ответа... Протест — вот вполне реальный результат от предлагаемого нами в данном случае способа действия. Черниговские же земцы предпочитают покорно подчиняться нахальным распоряжениям губернатора. Расскажем такой случай.

Приглашает однажды губернская земская управа прежнего состава (с января этого года действует новая управа) некоего Х. для заведывания складом. Проходят две недели — ответа нет от губернатора; проходит еще время — все нет и нет. Управа решает вызвать приглашенное лицо в Чернигов, думая, — и вполне на законном основании, — что теперь неблагоприятного ответа от губернатора быть не может. Х. приезжает, но... вдруг от губернатора бумага: «не нахожу возможным и т. д.». Как тут быть? Сдвинули человека с места, где он, между прочим, оставил казенную службу (в мин. земл. и гос. им.)... Куда же теперь деть Х.? Управа в нерешительности. «Умеренность» никак не выручает, но «обязывает»... молчать, отчего Х. несколько не легче. Наконец, помощью каких-то протекций удалось добиться от губернатора разрешения допустить Х. ко всем должностям, исключая службы в книжном земском складе. Через некоторое время в губернской управе открывается место делопроизводителя, на которое и приглашается Х. Казалось бы, в виду только что упомянутого общего

распоряжения губернатора не было никакой надобности делать специальное представление об Х. Но... ласковое телятко двух маток сосет — и представление делается. Делается такое же представление о том же Х., когда он вздумал перейти на другую должность в том же земстве; делается еще раз представление о нем же, когда он хотел занять должность секретаря «Земского Сборника». Вот сколько раз была взвешиваема благонадежность Х.! Но в последний раз дело окончилось несколько иначе: прошло более двух недель со времени представления губернатору, а ответа никакого не было... Тогда управа нашла в себе «решимость» назначить Х. на службу. Вдруг через некоторое время после того губернатор соизволил ответить отказом. И опять «умеренность „обязала“... вытереть губернаторский плевком, как говорится, не моргнувши... Х. был переведен на прежнюю службу.

Крым. Ялта. В половине сентября сюда, в царскую резиденцию, ожидали приезда гг. Обмановых. Еще задолго до приезда царя его свора, как местная, так и наехавшая сюда в массе, принялась очищать город от всякого «неблагонадежного» элемента. Как это всегда случается, царские лакеи и тут слишком уж переусердствовали. Высылались не только поднадзорные, но и люди, заведомо не имеющие никакого отношения к революционной деятельности, люди, которых один вид прокламаций приводит в содрогание. Вот несколько курьезов этого чрезмерного старания царской челяди. Один из местных коренных обывателей, бывший редактор «Крымского Курьера» г. Безчинский, был призван специально приехавшим в Ялту для очистки генералом Шмаковым. Можно себе представить крайнее недоумение г. Безчинского, когда ему было предложено в течение месяца выехать из Ялты. А и вся-то вина его состоит в том, что утром 1 мая, идя по улице, он встретил местного исправника с кипой прокламаций под мышкой и полюбопытствовал узнать, что это такое.

А вот еще курьез: призывает тот же генерал Шмаков проживающего в Ялте бывшего студента Кузьминского и объявляет ему, что он должен выехать из Ялты в две недели. Очевидно, царские холопы находят достаточной причиной его знакомство с поднадзорной интеллигенцией. Мотивировку своим произвольным действиям, как и всегда, они находят совершенно излишней. Весь этот штат опричников еще более встревожился после похорон одного интеллигента Зуева, умершего в нашем городе. Дело в том, что гроб его несли рабочие и, несмотря на то, что память умершего почтила своим присутствием и тайная и явная полиция, провожая его до могилы, — один из несших гроб рабочих сказал речь, в которой назвал интеллигента товарищем-другом рабочих. Некоторые из провожавших рабочих после похорон призвали в участок. Смерть этого интеллигента совпала с следующим инцидентом. В одну из местных типографий (Вахтипаза) явилась дама и заказала надпись на красной ленте такого содержания: на одном конце ленты: «Даром ничто не дается... Судьба жертв искупительных просит!» на другом: «Так не спите ж, силы новые, встаньте, храбрые бойцы!»; в месте прикрепления ленты было напечатано: «У могилы дорогого товарища». Полиция, узнав о заказе, воспретила выдачу уже напечатанной ленты и, связав этот инцидент с похоронами Зуева, произвела обыск в типографии.

Местные обыватели и приезжая «курортная» публика тоже не остаются без «отеческих» забот и «сердечных» попечений царских прислужников. Попечения эти выражаются в том, что в Ялту нагнали целую армию шпионов и сыщиков, усилили штат жандармерии, проектируется увеличить штат портовой полиции; словом, охрана, достойная самого главного жандарма Николая II. Угодничающая челядь, не довольствуясь рабскою покорностью поданных русского царя, старается развить в них и полицейские наклонности. Так, некоторых местных «благонамеренных» обывателей призывали в участки, где просили каждого из них организовать человек 10—15 для охраны царской особы, уговаривая их такими словами: «Надо же послужить отечеству и царю-батюшке». Роль всех этих

добровольных полицейских должна заключаться в том, чтобы стоять шеренгой в первом ряду толпы вдоль тротуара той улицы, по которой проедет царь в день приезда. Кстати все подвалы по этой улице были тщательно осмотрены царской полицией.

Самара. По требованию администрации уволен заведующий оценочно-статистич. бюро Пегеев. Вышли в отставку предс. управы Карамзин и два члена управы, не желающие подчиниться этому произвольному распоряжению. За образцовым заведующим-товарищем ушли и все 18 статистиков.

Письмо из Вятки. С весны в Вятке начинает чувствоваться сильнее, чем прежде, некоторое политическое возбуждение. По поводу Воткинской истории появились прокламации, расклеенные по городу; затем появились прокламации по поводу смерти Силягина. Часть прокламаций рассылалась и по губернии. — По городу циркулировала масса слухов, которые усиленно поддерживались и распространялись полицией. Один обыватель чуть не умер от огорчения, найдя на воротах своего дома приклеенную прокламацию. «Опозорили меня,—говорит,—да и только». Полиции не удалось ничего открыть: с перепугу ей стали мерещиться всякие ужасы, ей уже казалось, что в Вятке будут демонстрации. К первому мая были приняты даже чрезвычайные меры охраны, вызвали всех станowych и урядников в город. Урядников разместили на заводе (под самым городом), а становые сидели в номерах Ильина и ждали только сигнала. В железнодорожных мастерских тоже были приняты усиленные меры и чуть ли не сама полиция раз'ясняла, что будет демонстрация.

В мае же происходило в Вятке посвящение в архиепископа. Полицеймейстер предупреждал, что собор будет взорван и т. п. Еще больший переполох вызвала полиция в день 21 мая. В этот день из Вятки в село Великая-Река ходит крестный ход, к которому стекается народ со всей губернии. По пути следования процессии были распространены прокламации двоякого рода: одни из них обращались к крестьянам, другие — к крестьянам и рабочим. Обе начинались словами: «Православные христиане!», а одна даже имела в заголовке крест и кончалась словами «аминь». В прокламациях выставлены требования отмены недоимок и выкупных платежей и возврата хлебных ссуд пуд за пуд. Распространение было совершено настолько чисто, что полиция не удалось захватить ни одного распространителя. Прокламации иным попадались целыми пачками, и поднявшие иногда догадывались пустить их в продажу. На обратном пути крестного хода была выставлена чуть ли не охранная цепь. Получилась для крестьян новая натуральная повинность: от волости назначили человек по 8 на стражу: «листки там какие-то, так вот смотреть, кто бросать будет». Десятские — без блях — были расположены между богомольцами, чтобы оттуда смотреть, кто будет бросать. Прокламации урядники, действительно, пособрали, а распространителей так и не открыли. Когда потом икона Николая должна была двинуться из Вятки по городам, по тракту были расставлены пикеты из крестьян.

В начале августа в Уржумском уезде арестовали помощника волостного писаря, у него что-то нашли; жандармы скоро добились от него, что ему дал литературу; в результате арестован статистик Кислицин. Оба сидят в Вятке.

У страха глаза велики: в Малмыжском уезде власти, перепуганные крестьянскими толками о разделе земель местных богачей, отправили в уезд местную команду, которая с барабанным боем обошла деревни.

Спрос на нелегальную литературу значительный, особенно на литературу для крестьян.

Для многих из наших товарищей события последнего времени явились большой неожиданностью. По отношению к вопросам, выдвинутым крестьянским движением, приходится наблюдать все переходные ступени от полной растерянности и капитулирования перед ним до вер-

ного понимания значения этого движения. Вообще, около этого вопроса вертятся споры и в этом направлении работает мысль. К сожалению, соц.-дем. литературы здесь всего меньше. Благодаря этому, в понятиях местной радикальной публики царит сумбур, полное смещение всех программ. Местная молодежь формируется под влиянием несоц.-демократических идей и скорее склоняется к социал-революционизму именно потому, что для последнего ясность программы, дальнейшие перспективы не важны, важен ближайший эффект.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Воронежская губ. Среди наших земских начальников нередко попадают люди, лишенные самой обыденной добропорядочности. Так, напр., в Земляном уезде нашей губернии в течение 10 лет был земским начальником некий Матвеев, который брал взятки «с живого и мертвого», при чем не брезговал даже курами и яйцами. В одном селе, по поводу передела земли, отношения между крестьянами обострились настолько, что образовались две враждующие партии. Тогда одна партия стала открыто собирать деньги «на земского» и вручила Матвееву 400 р.; оказывается, что другая партия в это время также не дремала: с своей стороны собрала 400 руб. и передала их тому же Матвееву через его письмоводителя... Все эти поборы в течение 10 лет страшно возмущали крестьян, которые приносили много жалоб на Матвеева, но все эти жалобы, как водится, не имели никакого успеха. Наконец, крестьяне отправили своих уполномоченных в Царское Село, где они вручили свою жалобу наследнику. После этого уже нельзя было прикрывать Матвеева: ему предложено было выйти в отставку, но за его усиленные труды по собиранью взятки ему дана увеличенная пенсия в 1.000 руб. в год, вместо 500 р. Так награждает правительство даже таких негодяев, как Матвеев.

Другой земский начальник в Земляном уезде, Богданович, не только обирает крестьян, но даже надул предводителя дворянства Алехина. Богданович продал по частной расписке свое имение Алехину, а затем, получив с него деньги, продал это же имение другому лицу по крепостному документу. Когда Богдановичу после этого заметили, что Алехин будет на него жаловаться, то Богданович сказал: «Алехин не посмеет жаловаться, у него самого рыльце в пушку». Действительно, Алехин, как говорят, много «хапнул», когда возводил церковь на доброхотные даяния.

Отношения между крестьянами и помещиками все более обостряются. В селе Петровском, Землянского уезда, крестьяне просили владельца экономии Стрижевского сдать им землю, но Стрижевский не исполнил этой просьбы и сдал свое имение в одни руки какому-то арендатору. Вскоре после этого загорелся сначала надворный постройки, а потом через некоторое время сгорел громадный барский дом. Теперь арендатор уже сам отказывается от аренды.

В настоящее время все земские начальники Воронежской губернии получили от своего губернатора секретное предписание: обехать свои участки и внушить крестьянам, что они не должны надеяться на какие-либо нарезки земли или на переделы, что равным образом крестьяне не должны слушаться «элонамеренных» лиц, распространяющих среди них «вредные» книги и листки, а должны этих людей представлять по начальству!

Крестьянские настроения (из Чернигова). Перед зданием уездного съезда собралась толпа крестьян в ожидании «правого суда». Среди одной группы какой-то грамотей громко читает курскую речь царя к крестьянам, которую местный помпадур издал отдельным приложением к «Губ. Вед.» и распространил через полицию в большом количестве экземпляров. «Ты вперед нагодуй (т. е. ты вперед накорми)», — раздается вдруг голос одного крестьянина. «Да він же на кінці обіщає»... иронически вторит какой-то другой слушатель...

В одном местечке Козелецкого уезда во время полтавских событий сход решил: «подождем три недели... побачим, як буде в Полтавській губ., а тоді і самі почнемо»...

В другом селе того же уезда, по поводу знаменитого высочайшего повеления о наложении на крестьян контрибуции, местные мужики выражались таким образом: «Де тут справедливість?! Облагать тех, которые имеют землю и не бунтовали! За такую справедливость треба бунтовать... Це — разбой». А вот что нам пришлось услышать от одного крестьянина Переяславского уезда, Полтавской губ., с которым нам случилось недавно беседовать. Мой собеседник говорил, что тяжелое положение крестьян создается малоземельем, и на мой вопрос, как думают крестьяне жить дальше, ответил буквально так: «А будет то, что за кем будет сила, за тем будет и право». На замечание же наше, что одна сила вызывает другую силу — штыки, пули, нагайки, крестьянин, не задумываясь, ответил: «Чего нам бояться смерти?! Все равно, ведь, и так придется помирать от голода».

В одном местечке того же Козелецкого уезда были обыски у некоторых крестьян, окончивших (при содействии местной интеллигенции) разные учебные заведения (фельдшерскую школу, учительскую семинарию и т. п.). По поводу этих обысков крестьяне громко, прямо на базаре, выражались таким образом: «Жандармы обыскивают тех из нас, которые вышли в люди... Им не нравится, что наш брат становится паном». В той же местности имеется поп-доносчик. С ним у крестьян такая вражда, что однажды крестьяне чуть не вытащили его из алтаря. Против «зачинщиков» возбуждено дело. Недавно тот же священник в церкви, во время произнесения им проповеди, был ошкан народом.

Из Пермской губ. нам пишут: в августе арестовано 100 чел. крестьян Ильинской вол., Пермского уезда, за сопротивление властям. Администрация находящейся в этой местности дачи гр. Строганова начала принимать усиленные меры против порубок в лесах. Эти меры, в конце концов, так возмутили крестьян, что громадной толпой они двинулись в лес и произвели порубку. Явившаяся лесная стража была разогнана. В результате — дело; 18 чел. сидят в Перми, остальные по уездным тюрьмам.

К заботам о голодающих (из Вятской губ.). Голод в этом году грозит посетить некоторые из наших уездов, напр., Вятский и Глазовский: рожь почти совсем не уродилась. Особенно плох урожай в последнем уезде: даже по расчету земских начальников нужно выдать населению более миллиона пудов. Рожь для посева страшно запоздала и частью пришла уже по истечении времени сева. Рожь доставлялась с пристани Левшино на Каме; отправкой заведывал уполномоченный м-ва фин. Турбин. Турбин телеграфировал вятским властям: «Проверка веса не требуется; принимайте по счету мешков». Но увы! Когда принимавшие, по собственному, вероятно, опыту, зная, как легко прилипает к рукам хлеб для голодающих, отнеслись недоверчиво к такому заявлению и начали приемку по весу, то оказалась в каждом вагоне нехватка — в 70 пуд., а всего нехватало около 15.000 пуд! Теперь очевидно, почему «наш обожаемый монарх» не советовал в своей курской речи к крестьянам грабить чужое добро: эту профессию он монополизировал, видно, в пользу свою и своих чиновников.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Краткий очерк рабочего движения
в Бежице.

(Завод Брянского акционерного общества.)

(Окончание 11).

II.

В среде самих рабочих «бунт» 1898 г. остался все-таки некоторым светлым событием, очевидно, потому, что здесь, хотя и в грубой форме, рабочий дал впервые почувство-

вать заводу свою личность. Во всяком случае этот «бунт» несколько не обескуражил рабочих и не прекратил рабочего движения на Брянском заводе. Последующие факты ярко доказали это. В октябре того же года, т. е. всего через 4 мес. после «бунта», рабочие нескольких цехов забастовали и выставили определенные требования к заводу. Стачка продолжалась около 8 дней; проведена она была очень единодушно и выдержанно и почти все требования рабочих удовлетворены. Был сменен начальник механической мастерской, отличавшийся своими подлостями, Мускин; вывесили табель с расценками, хотя очень оригинальную: в ней были расценки для какого-нибудь десятка работ, указанных в самой общей форме, так что реального значения эти табели никакого не имели. Плату стали выдавать два раза в месяц и т. д. Вскоре после этой стачки был выпущен на заводе листок, в котором подводились итоги стачке и рабочие приглашались продолжать удачно начатую борьбу с хозяевами.

В начале сентября в Орле был арестован интеллигент Родзевич; затем из Москвы были привезены Русанов и Остров; далее в Орле был арестован Ильинский, затем Квиткин, Смирнов и Кварцев (привезен из Сум). Кроме того, постепенно были привезены в Орловскую тюрьму рабочие Ефимов, Лавринович и Жмуркин. Интеллигенты все были арестованы по разным делам, не имевшим отношения к делам Бежицы. Но затем у Родзевича было установлено какое-то отношение к брянским рабочим. Тогда следователи решили из всех арестованных создать одно сообщество, на которое и возложить ответственность за брянские дела. Арестованных терзали нелепыми вопросами, ничем необоснованными подозрениями и выпустили приблизительно в марте 1899 г., не приведши дело ни к какому результату.

Между тем, движение в Бежице вступило в старую колею — кружковой пропаганды, кружкового развития. Спрос на нелегальную литературу сильно возрастает, но достают ее рабочие с большим трудом. Рабочие собирают между собой деньги на покупку книг и заводят довольно большую легальную библиотеку. Изредка собираются большими компаниями и читают сообща или беседуют. Весь 1899 г. прошел в таком постепенном и тихом развитии. В январе 1900 г. делают обыск у трех интеллигентов в Орле: Квиткина, Острова и Русанова и затем через день Квиткина арестуют. Вскоре в Орел из Бежицы увозят нескольких рабочих (Жмуркина вторично, Ранкевича, Мишанова, Лосицкого, Худосовцева, Сычева и др.). Оказывается, один из молодых рабочих, у которого при обыске что-то нашли, испугался угроз брянского ротмистра Петрова и многое порассказал.

Но с этими арестами самостоятельное движение среди рабочих не прекращается. Оно вылилось в определенную нами форму и в таком виде продолжалось в течение 1900 г. В конце 1900 г., перед рождеством, были выпущены в небольшом количестве маленькие листки по поводу неуплаты администрацией завода заработанных денег в срок. Листки произвели свое действие: рабочая плата была немедленно выдана.

Весь 1900 г. настроение рабочих прогрессивно обострялось. Промышленный кризис сказался и на Брянском акционерном обществе — этой одной из самых прочных акционерных компаний. Собственно при большей энергии и деловитости администраторов компания всегда могла обойтись без сокращения производства. Но привычка получать огромные барыши (в одном из отчетов общества, которые лежат на столе Бежицкого клуба, было указано при валовом обороте в 56 милл. валовой доход — 4 милл. чистой прибыли) при полной халатности побудила заводскую администрацию пополнять уменьшение кушей обычным давлением на рабочих: начались небывалые штрафы, небывалые браковки; расценки страшно упали; и, наконец, стали распускать рабочих. Температура рабочей массы от всех этих стеснений подымалась. Рабочие представляли из себя порох, в который достаточно было бросить один горячий «листок», чтобы взорвать весь завод на воздух. Но листов не появлялось, и рабочие терпели. Только стремление к самообразованию проявлялось все сильнее, все лихорадочнее. В половине апреля 1901 г. на заводе произведены были обыски и арестовано и отвезено

в Орел 6 человек рабочих: Степанов, Самойлов, Мишанов (2 раз), Лосицкий (2 раз), Ранкевич (2 раз), Сычев (2 раз). Одновременно с этим были арестованы в Орле интеллигенты: Квиткин (3 раз), Колышкевич (2 раз), Русанов (3 раз) и Остров (4 раз). Обыски произведены были на основании временных правил об усиленной охране в виду ожидавшихся 1 мая повсеместных рабочих демонстраций. Поэтому арестованные через 4 недели были выпущены, кроме Степанова, Самойлова и Острова, которые обвинялись по новому делу, и Сычева, оставленного отбывать наказание по предыдущему делу. Новое дело состояло в том, что у Самойлова нашли нелегальную литературу, и он выдал Петрова, Степанова и затем Острова, а также запачкал и других. Был установлен факт сношений Острова с рабочими и распространение им среди них нелегальной литературы. Дело опять было оформлено. Таким образом, 1901 г. закончился обысками и арестами.

В общем, если окинуть бегло всю историю рабочего движения в Бежице, начиная с 1897 г., то это движение представится нам в виде медленного развития рабочих путем пропаганды и отчасти неширокой устной агитации. Каких-либо крупных организованных демонстраций в Бежице не было. Но одно можно отметить в этой истории: для наблюдателя, который видел рабочую бежицкую массу в 1897—1898 г. и затем в 1901—1902 гг., резко заметен подъем сознательности этой массы, широкое распространение среди нее всех общественно-политических запросов, которые возникали в 90-х годах лишь в головах немногих рабочих. Безусловно, что в настоящий момент бежицкие рабочие представляют из себя чрезвычайно пригодный материал для восприятия самых широких политических идей...

Смоленск. Рабочее население Смоленска — это, преимущественно, евреи из мелких мастерских ремесленного типа с 2—3, редко 8—10 рабочими. Большинство этих мастерских работает на магазины, что, конечно, сильно отражается на положении рабочих, так как из одной и той же шкуры приходится выделять две шубы: одну — хозяину-посреднику, а другую — оптовому торговцу — заказчику. Особенно тяжело положение рабочих в женских мастерских, где к обычной эксплуатации труда присоединяются еще невозможно тяжелые квартирные условия и весь так наз. «отеческий» режим: почти все работницы живут на квартирах хозяев, вместе с их семьями. О заработной плате и говорить, конечно, нечего: она «ниже всякого минимума», по выражению одного рабочего. Что касается рабочего дня, то в последние годы было несколько попыток свести его к законной десятичасовой норме. Первая попытка относится к 1898 г. Затем в 1900 г. рабочие подавали губернатору коллективное заявление о тяжелых санитарных условиях в большинстве мастерских и о рабочем дне. В результате этого заявления был устроен через полицию осмотр мастерских и опрос рабочих, но при осмотре, конечно, многого не разглядели, а при опросе большинство рабочих, особенно женских мастерских, было так запугано предварительными хозяевами, что не решилось указать истинное положение дел, а для полиции, конечно, чего же лучше, если «все обстоит благополучно!». Так из этого ничего и не вышло. Только с прошлого 1901 года здесь начинается более или менее осмысленное движение среди евреев-ремесленников, хотя оно все-таки напоминает более суетню, чем действительное движение. С того времени было несколько стачек, но, за исключением двух-трех, все они были столь незначительны как по содержанию, так и по количеству участников, что для них слишком громко даже название стачки. Требования не выходили из обычных границ — рабочий день, плата, помещения, обращение хозяев и т. п. Большинство еврейских рабочих — народ молодой, юноши и даже дети. Наиболее важными тормозами для развития сознательного движения является почти поголовное незнание рабочими русской грамоты — это во-первых, а во-вторых — безобразные квартирные условия: рабочие почти все время проводят на глазах хозяина и его семьи, а хозяева даже к чтению обыкновенной книжки относятся

с большой подозрительностью, не говоря уже о нелегальных изданиях. Есть мастерские со смешанным составом рабочих, но русские ремесленники стоят еще ниже еврейских — большинство из них пьет горькую и до сих пор проявляет мало склонности к более осмысленной жизни. Это роняет их в глазах евреев-рабочих и нередко создает взаимную вражду. Впрочем, нужно сказать, что за последнее время и в этом отношении замечен некоторый успех: на бывшем здесь мирном первомайском празднике можно было видеть и русские физиономии. Из более крупных заведений с исключительно почти русским составом рабочих можно указать только на два: бабиночную фабрику Гергарда с 200 рабочих и кафельный завод Будникова с 150 раб. Но уже по самым техническим условиям этих производств уровень развития рабочих не может быть сколько-нибудь высоким. Это — по большей части полурабочие-полукрестьяне, не порвавшие еще довольно тесной связи с деревней. Поставляют рабочих на эти фабрики ближайшей деревни, разбросанные около Смоленска верстах в 3—5.

Из других элементов пролетарского типа можно указать на торговых приказчиков, заявивших недавно, хотя и в очень слабой степени, о своем существовании. Трудно, конечно, ожидать, чтобы приказчище движение приняло сколько-нибудь солидные размеры, по крайней мере, в ближайшем будущем, так как это как раз та именно среда, где мешанство в самых свирепых его формах свило себе наиболее прочное гнездо. Летом этого года было несколько стачек приказчиков (в магазинах Якобсена, Ланина, Английском и др.), с теми же требованиями, что и у ремесленников.

Из наиболее интересных событий местной жизни последнего времени нужно отметить образование соц.-демократической группы, выступившей в августе и сентябре этого года две прокламации — одну к приказчикам, а другую — к обществу по поводу насилий над заключенными в здешней тюрьме. Подписаны они были «Смоленским Соц.-Демократ. Комитетом». Существенным их недостатком была их неудобочитаемость и крайне жалкий внешний вид, вследствие чего они совершенно не могли импонировать обывателю. Но надо надеяться, что в дальнейшей своей деятельности молодой комитет справится с техническими затруднениями.

В Нежине, Черниговской губ., была стачка 65 чел. портных ремесленников (дамских и мужских). Требуют: одни — сокращения рабочего дня до 12 и до 14 часов в сутки, другие — увеличения поштучной платы. Четверо рабочих уже арестовано.

Астрахань. В нашем городе уже несколько лет замечаются проявления рабочего движения. Пока это движение носит стихийный характер: стачки происходят без всякого заранее обдуманного плана, без руководства. Такие забастовки были устроены в прошлом году на лесных пристанях чернорабочими и грузчиками. Всего забастовало около 200 чел. Было выставлено требование увеличения платы. Продержались около дня, и можно сказать, что выиграли. Хозяева не обращались к полиции и постарались сами уладить дело. Такая же забастовка была и на пристани Дембот. Пароход с баржами были готовы, а команда отказалась идти на баржи. В этот раз забастовало чел. 30—40. В виду того, что убытки от простоя парохода под парами огромны, администрация уже согласна была уступить, но нагрянула речная и городская полиция и силой принудила рабочих пойти на баржи и занять свои места. Рабочие Дембота не выставляли никаких требований улучшения своего положения, домогаясь окончательного расчета. Следует заметить, что фирма Дембот в отношении обирания рабочих перещеголяла здесь все другие. Такое грубое обирание, как у Дембота, редко встретишь, если не считать мелких пароходчиков, о которых мы поговорим в другой раз. Как всегда бывает, эти случайные и стихийные забастовки заставили призадуматься многих рабочих. Призадумались и предприниматели и стали все чаще и чаще страховать рабочих,

чтобы свалить со своих плеч на страховые общества плату за увечья и прочие несчастные случаи. Задумалась и администрация с фабричным инспектором (из «либералов»). Задумалась и полиция, и в результате своих размышлений обратилась в городскую думу с предложением ассигновать известную сумму на содержание нескольких тайных агентов и одного главного, в виду того, что полиция больше не в силах уже справляться с врагами. Говорят, что летом, проездом, был у нас «сам» архишпион Зубатов и оставил здесь на время свой хвостик, главные же свои «силы» он направил на гастроли в Тифлис и Баку.

Интересный случай имел этим летом место среди бондарей на форпосте. В бондарных заведениях работают по 200 и более чел. Все это уж более или менее «чистые» пролетарии, но ряды их постоянно пополняются выходцами с верховьев Волги, элементом, довольно косным. Большим влиянием пользуются старики. Проникнуть в эту среду чрезвычайно трудно. Книга здесь тоже не в ходу. Но хищническая эксплуатация, энергично охраняемая фабричным инспектором и полицией, «раскачивает» и эту среду. Хозяева бондарных заведений нанимают своих рабочих на два срока: от 1 октября до 1 марта, на зимние работы, и от марта до октября, — на летние. Разница в цене бывает постоянно очень значительная. Но в этом году, в виду того, что было много наготовленного товара, в рыбных же делах произошла заминка, крупные хозяева не стали делать прибавок на лето. Рабочие сначала отказались заключать условия, но нужда заставила пойти на уступки. К тому же, они надеялись, по примеру прежних лет, получить значительные задатки. Оказалось, однако, что фабричный инспектор распорядился задатков не выдавать. Это уж превысило меру долготерпения, и 28 июля бросили работу на четырех заводах, всего чел. 250—300. Продержались они до 31 июля. На одном заводе добились прибавки. «Победители», ободренные своим успехом, стали подговаривать своих товарищей тоже бросить работу. Нашлось несколько десятков смельчаков из молодых (кто говорит, что их было чел. 50—60; другие, — что более ста), которые прошли с музыкой по главной улице и требовали приостановки работ. Первый день прошел тихо, но на второй хозяева дали знать уездной полиции и земскому начальнику. Полиция почему-то воздержалась от репрессалий (помнит, вероятно, «холерный бунт» 1892 г.), но за нарушение тишины было взято 11 чел. Из них 10 чел. приговорены земским начальником к аресту на семь суток, а один, за оскорбление городского, — на три недели.

Красноярск. 13 сентября наш город был поражен невиданным зрелищем: через весь город, от мастерских до губернского правления, прошли железнодорожные рабочие в полном составе (полторы тысячи человек). Дело в том, что, по правилам, «получка» в здешних мастерских должна происходить два раза в месяц, 12 и 27 числа. Обычно же платят 15—17-го и 1—2-го; это всегда раздражало рабочих, и они не раз уже выражали свое неудовольствие, но на это не обращали внимания. 11 сентября рабочие напомнили начальнику мастерских о предстоящей уплате, и он обещал уплатить 13-го; утром 13-го он подтвердил свое обещание, а часов в 10 объявил, что получки не будет. Сейчас же раздался свисток к прекращению работ; рабочие заволновались и после совещаний, увещаний, а в нескольких случаях и зуботычин, все головною отправились к губернатору. Попытки полиции задержать шествие (ограничивались увещаниями) окончились безуспешно, и процессия прибыла к губернскому правлению. Здесь ее встретил полицмейстер и предложил рабочим избрать депутатов для переговоров; они отказались. Тогда полицмейстер сам выбрал четырех человек, а остальным предложил разойтись. Рабочие не уходили, пока депутаты не вышли из губ. правления и не предложили им уйти к мастерским и там ждать ответа. Из губ. правления депутаты были приглашены к губернатору. Здесь был составлен протокол о случившемся, при чем вся вина возложена на администрацию мастерских; затем губернатор просил депутатов успокоить товарищей и обещал, что с 3 ч. начнут уплату, при чем этот день не будет вычтен. Сей-

час же был вытребован к губернатору начальник мастерских; губернатор дал ему 6.000 руб. и предложил немедленно принять меры, чтобы все рабочие получили плату. С 3 час. началась уплата. На другой день появилась прокламация Комитета и еще одна, без подписки, гектографированная, по содержанию мало отличающаяся от комитетской.

Летом здесь были убиты два ночных сторожа. Вице-губернатор (и. д. губернатора) вошел с докладом, чтобы убийц судили военно-полевым судом, так как убитые были чинами полиции при исполнении своих обязанностей. Ходатайство это уважено; 19-го убийц судили и приговорили к смертной казни через повешение! Осужденные — молодые люди 22—24 лет.

Нам пишут из Сибири. 16 августа на ст. Еланское, Енисейской губ., в депо забастовали все рабочие, 93 чел., требуя удаления монтера. Начальник тяги явился и сказал, что не может их удовлетворить. Однако, к следующему же дню дано было знать рабочим, что их требование исполнено. Каково же было возмущение рабочих, когда, явившись на работу, они узнали, что десять их товарищей удалены из депо. Все снова бросили работу; стачка продолжалась еще три дня. Но к 19-му были приглашены рабочие запасные из Красноярска, и более малодушные уступили, а за ними пошли работать и остальные. В результате 27 чел. уволено, а 13 сами ушли.

ИЗ ПАРТИИ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОТ ГР. «ЮЖНОГО РАБОЧЕГО».

Шатание в области теории, хаос и разрозненность в деятельности, господствующие в настоящее время среди действующих в России товарищей, никогда еще не давали себя так сильно чувствовать, никогда еще не проявлялись так рельефно, как в данный момент. Если изолированная, ограниченная кружковая деятельность начала девятидесятых годов и примитивные формы рабочего движения середины тех же девятидесятых годов по своей определенности и несложности могли мириться с подобным состоянием действующих сил, то в настоящий момент, когда социал-демократия может и должна развернуть всю свою сложную деятельность, устранение подобной дезорганизованности является главнейшей и насущнейшей задачей, перед которой бледнеет все остальное. Партия, действующая сыграть роль крупной общественной силы в решении будущности России, такая партия не может довольствоваться господствующим кустарничеством; она должна сложиться в прочную, строго солидарную, централизованную и объединенную общей программой организацию, группирующуюся вокруг известного духовного ядра, дающего общее направление деятельности. Только подобное соединение может дать партии возможность выполнить всю ту сложную задачу, которую она на себя берет. Нельзя сказать: «пусть устроятся местные дела, тогда позаботимся об общих». Подобный взгляд представляет упрощение деятельности. Необходимо проникнуться убеждением, что не могут быть местные дела в настоящее время вне общих, что пока не будут решены общие вопросы, пока не будет покончено с нашей дезорганизованностью, всякая работа будет топтанием на месте. Но для этого недостаточно одного лишь призыва к объединению. Необходимо подойти к вопросу более конкретно, более активно. Для этого, прежде всего, необходимо каждому деятелю, каждой группе, каждой организации точно определить свое отношение к целому ряду вопросов, волнующих вот уж почти три года действующих товарищей.

Пора покончить с неопределенностью. Пора каждому определить свое место, высказать в недвусмысленной форме все, чего он хочет, к чему стремится, и провести это на практике. Мы думаем, что в настоящее время достаточно резко определились различные течения. Кто не смог разобраться в них до сих пор, кто из внешней

шелухи и личных недоразумений не видит сущности, тот, вероятно, уже не увидит ее. Не к ним мы обращаемся. Мы обращаемся ко всей массе тех товарищей, которые горячо жаждут скорейшего и прочнейшего, не бумажного, но реального объединения сил, которые глубоко чувствуют весь вред современной смуты.

Со своей стороны, мы делаем шаг в этом направлении. Признавая организацию «Искры» единственной за последние два года организацией, сумевшей при господствующих спутанности и шатаньи сохранить строгую принципиальность и бесстрашно бороться против всяких течений, стремившихся свернуть так блестяще начавшееся революционное движение с единственно правильного пути, мы, солидарные с этой организацией в вопросах программы, тактики и организации, присоединяемся всецело к ней, обязуясь работать совместно над делом фактического восстановления Российской Соц.-Демократ. Рабочей Партии.

Во избежание недоразумений, мы считаем своим долгом заявить, что мы далеки от мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работе, которую выполнила за это время организация «Искры», не было никаких ошибок и пробелов. Мы только думаем, что эти ошибки не настолько важны, чтобы они могли служить препятствием к соединению, что они легко устранимы, если необходимость объединения глубоко проникнет в сознание всех действующих товарищей, и дело, предпринятое «Искрой» за свой страх и риск, станет нашим общим делом.

Группа «Южного Рабочего».

Изданы прокламации: Киевским Комитетом — к киевским слесарям (от 16 сент.); Одесским Ком. — «К новобранцам» (печ.); Екатеринославским Ком. — «Ко всем гражданам Екатеринослава» (по поводу тюремных насилий) и 2 к кондукторам и вагоновожатым трамвая (оба печатные); Красноярским Ком. — к раб. жел.-дор. мастерских (от 14 сент., печ.); Харьковским Ком. — 1) о суде над крестьянами (в 1.100 экз.) и 2) к раб. жел.-дор. мастерских (по поводу несчастного случая с двумя рабочими), оба гектогр.; Нижегородским Ком. — 1) «Почему русскому рабочему нужна политическая свобода?» (печ.), 2) «Ко всем рабочим» (август), 3) «О солдатчине» (к крестьянам и рабочим), 4) «По поводу назначения фон-Валя», 5) к рабочим и работницам Куликовской фабрики в гор. Васильсурске; Донским Ком. — ко всем раб. главн. мастерских Владикавказской ж. д. (от 3 октября, гектограф.); Кишиневской объединенной соц.-дем. орган. — «Ко всем рабочим» (печ.).

Одесским Комит. издан № 2 газ. «Раб. Слово» (15 окт.); печатано в тип. Комитета.

Нижегородским Комит. издан отчет за первые восемь месяцев его деятельности (1 окт. 1901 г. по 1 июня 1902 г.). Заимствуем из него следующие подробности об агитационной деятельности Комит.: «Руководясь в своей настоящей деятельности основными принципами революционной соц.-демократии, Комитет начал массовую агитацию среди самых широких слоев рабочих Н.-Новгорода и некоторых заводов Нижегородской губернии. В последнее же время Комитет распространяет агитацию и на крестьянские слои населения, губернии и солдат... Всего было распространено различных прокламаций к рабочим разных заводов и к крестьянам — 1.515 экз., напечатанных, главным образом, в собственной типографии».

«Нижегородская Раб. Газ.» (№ 1) была издана в 350 экз. Затем газета была превращена в «Лист. Ниж. Раб. Газ.», который печатался все в большем количестве экз. (№ 2 — 1.200, № 3 — 2.000, № 4 — 2.400, № 5, майский, — 3.000). Кроме того, Ком. распространялись газ. «Искра» и «Раб. Мысль» и прокламации некоторых организаций, как, напр., «Искры», «Пет. Союза» и «Бунда». За восемь месяцев бюджет Комитета был: прих. — 1.135 р. 40 к., расход — 1.330 р. 95 к.

В № 5 «Жизни»¹² напечатана и ею же издана в виде брошюры статья т. Плохоцкого: «Взаимные отношения польских и русских социалистов». Автор обвиняет нас, русских соц.-дем., в «прискорбном незнакомстве с са-

ним польским движением и его условиями». Он думает, что именно это незнакомство порождает среди нас «ряд странных взглядов, совершенно напрасно нарушающих гармонию между двумя братскими по самому своему существу лагерями». Эти «странные взгляды» сводятся к оценке той постановки вопроса о национальной независимости Польши, которая дается в программе «Польской Соц. Партии».

Мы надеемся, что в недалеком будущем нам удастся по существу рассмотреть вопросы, поднятые т. Плохоцким. Пока заметим, что можно только радоваться прямому обращению польских социалистов к русским. Из брошюры т. Плохоцкого русские социал-демократы смогут ближе познакомиться со взглядами старейшей партии польских товарищей. Слово теперь за товарищами из польской соц.-демократии, которая, как известно, держится в вопросах программы взглядов, отличных от П. С. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге арестован учитель гимназии Экк. В Перми 12 сентября были обыски у служащих губ. земск. упр.: Крысина, Вошевой, Житковой и Дубровинского. Крысин и Дубровинский арестованы. 3 окт. был обыск у учителя Очерского зав. (Оханского уезда) Высотина и у волостного писаря Пашихина. Высотин арестован. Арестованный в Красноуфимском уезде 17 августа агроном Мальцев все еще сидит; псаломщик Рясавов выпущен. Взятые с ними крестьяне тоже сидят. В Севастопольской тюрьме сидят с июня рабочие: Бубнов, Фирсов, Горкунов, Евтушенко, Братуха, Зубарев, Воронов, Копец, Грибовский, Стефановский, Тамбовцев, Чернов, Бабенко, Чернышев и еще двое; кроме них, вольноопределяющийся Крюков, несколько солдат и матросов и один студент. Студент Щепетев перевезен в Симферополь. — Верховенск. (Ирк. г.). Арестован раб. Залкинд (ссылный). — В Нижегородской тюрьме, кроме 21 обвиняемых по делам о демонстрации, сидят: студент Сысин, техник Гусев, семинарист Никольский, бывш. гимназист Данилов, сормовские рабочие Углев и Рогалев и курсистка Софья Доброхотова. Из демонстрантов — 13 раб., 4 интелл. и 4 курсистки. — В Одессе 17 сент. арестованы рабочие: Хмельницкий, Дуб и Надворный; 24—25 сент. — фотогр. Шварц и уч. зубоврач. школы М. Львович. — Самара. 15—16 окт. произведено 20 обысков, между прочим, в аптеке Волянского (при этом кто-то арестован), в табачном магазине Габай, у управского служащего Иванова, железнодорожных служащих Барыбина и др. Арестованы: железнодорожный служащий Зиссер, бывшие статистики Евтимович и Акромовский, некий земский техник, один гимназист и семинарист. В уезде тоже были обыски, арестована одна земская учительница. Наши синие мундиры проявляют большое самодурство: за отказ давать показания или же за нежелание выдать товарищей они мстят заключенным отказом в пропуске сестных припасов и запрещением свиданий. — По делу о безобидной прошлогодней вечеринке мнимые ее устроители: бывш. студ. Кузнецов и учредитель курсов бухгалтерии Севрук сосланы в Вятскую губ. Барышни, танцевавшие на вечеринке, заключены в тюрьму.

Сосланы в Восточную Сибирь: токарь Юзеф Венх (из Олькуша, Келецк. губ.) — на 3 года; Влад. Вербицкий, хлебн. торг. (из Николаева) — на 3 года; Яков Борисов, городской учитель (из Спб., по делу раб. орган.) — до приговора; Залман Рояк, чернораб. (из Кайдан, Минской губ.) — на 2 г.; Сем. Вейсбрем, студ.-полит. (из Риги) — на 3 г.; Виктор Ногин, раб. и Сергей Антропов, бывш. студ. (оба нелегальные, из Спб.) — до приговора; Конкордия Захарова и болгарин Закубанский (по одесскому делу) — до приговора. В Вологодскую губ.: Влад. Куницкий, инж.-химик (из Домброва) и Дав. Самойлов (из Спб.) — оба на 3 г.

Бежали: из Вятской губ. — Рерих (студ.-лесник, сослан по делу Спб. Союза Борьбы 1901 г.); из Восточной

Сиб., кроме упомянутых в прошлом номере, еще в начале года из Олекминска, Якутской обл. — Мария Розенберг (сослана по Уральскому делу 1899 г.).

Предательство Н. К. Паули. Читатели помнят о впечатлении, произведенном на революционную среду слухом о предосудительных сношениях эмигранта Н. К. Паули с русской политической полицией, распространившимся года полтора тому назад. Все революционеры ожидали результатов расследования по этому делу, производившегося «Аграрно - Социалистической Лигой». Появившееся в конце прошлого года заявление упомянутой Лиги о деле Паули не могло удовлетворить этих ожиданий. Лига нашла, что попытка Паули «была с его стороны лишь плодом крайне ложного и безусловно вредного взгляда на способы революционной борьбы, а не чего-либо иного». Лига даже не исключила Паули из числа своих членов*, а лишь сообщила, что «Н. К. Паули больше членом ее не состоит» и никакого формального предложения другим революционным организациям о суде над обличенным ею Паули не сделала. Таким образом, вопрос об обязательном для всех, вообще, революционеров отношении к новому Дегаеву не был поставлен и не получил должного решения.

В виду этого, редакция «Искры» (см. № 15, «Разврат в революционной среде») сочла необходимым, в согласии с принципами, разделяемыми нашей организацией, указать на недостаточность решения аграрной лиги и квалифицировать поведение Н. К. Паули как «возмутительное и позорное». В то время наше заявление было многими признано излишне-жестоким по отношению к старому революционеру, каким был Паули. Мы считали необходимым резко высказаться, между прочим, для того, чтобы сделать невозможным для Паули попытки вступления в какую-либо новую группу, так как доступ в революционную организацию ему не был закрыт тоном и содержанием заявления Лиги.

Эта предосторожность оказалась нелишней. Попав каким-то образом в руки русской жандармерии, Н. К. Паули, как это нам достоверно известно, дает в настоящее время самые предательские показания, в духе Гольденберга. Этими показаниями предатель дает жандармам богатый материал о революционных делах, в которых он принимал участие, как член Агр. Лиги; так, напр., им даны показания о лицах, подозреваемых в сношениях с Карповичем. По указаниям Паули арестованы уже, по видимому, некоторые лица (называют московского издателя Чарушникова). Но, вероятно, лица, им оговоренные, не будут немедленно арестовываться, а послужат отправной точкой для расставления шпионской сети (таков метод Судейкина-Плева). Поэтому мы настоятельно приглашаем всех товарищей, имевших революционные сношения с Паули, проявить самую крайнюю осторожность и, во всяком случае, предупредить всех соприкасающихся с ними лиц о том, что такие сношения у них были. Поступив так, эти товарищи смогут оградить себя от справедливых упреков в случае, если окажется, что жандармы, заручившись ценными для них указаниями Паули, готовят «основательный» разгром революционных организаций.

Пользуемся случаем, чтобы еще раз указать, что в делах, подобных делу Паули, неуместна никакая снисходительность. Суровый (вполне заслуженный) приговор над Паули не оградил бы нас, конечно, от окончательного его падения, но он бы лучше обеспечил неприкосновенность чести революционных организаций.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Нас просят поместить следующее заявление:

В № 3 «Раб. Знамени», вышедшем в прошлом году, была помещена такая заметка: «К позорному столбу! Арабажин — петербургский литератор и редактор. Выгора-

* В настоящее время «Рев. Росс.» (№ 12) сообщает, что Паули был исключен из «Аграрной Лиги». Если так, то почему в прошлогоднем сообщении Лиги об этом не было прямо сказано?

живает себя в глазах полиции, выдавая неповинных подчиненных ему служащих».

Эта заметка, повидимому, относилась к ходившему в то время в литературных кругах определенному слуху о том, что г. К. Арабажин (бывш. издатель «Сев. Курьера») прикрылся именем одного из своих сотрудников для того, чтобы избежать ответственности перед полицией за участие в одном невинном литературном собрании.

По просьбе некоторых знакомых г. Арабажина, мы рассмотрели доставленные ими документы и пришли к заключению, что содержащееся в вышеприведенной заметке обвинение основано на недоразумении и что в инциденте, о котором упомянуто выше, г. Арабажин ничего предосудительного не совершил.

В. Засулич, Г. Плеханов, Л. Мартов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: Через моск. представ. от *** — 400 руб., через Бл. — 200 р., от буддиста — 125 р., чер. секретарей — 30 р., от старого друга — 700 мар., от лондонского соц.-

дем. кружка — 1 ф. ст., от сочувствующего через Л. — 2 фр. 20 сант., из К-а — 10 руб., чер. Вас. Ник. от своих — 200 руб., чер. Кольцова: за литерат. из Женевы — 106 фр. 85 сант. и 81 фр. 85 сант., из Лозанны — 12 фр., от лозаннской группы — 40 фр., от проезжего — 20 фр., за литературу — 11 руб., из Льежа — 80 фр., из Цюриха: за литературу — 32 фр., за чтение от радикала А. — 50 фр., от старого соц.-демократа — 50 ф., из Москвы через Мюнхен — 50 фр.

Вышла в изд. «Искры» новая брошюра: «Демонстранты перед судом» (обвинительные акты по делу о саратовской и нижегородской майской демонстрациях, с пред. редакции).

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. «Народное Дело» — популярный орган партии с.-р., издавался с августа 1902 г. по октябрь 1905 г. в виде неперидических сборников. С 1908 г. «Нар. Дело» возобновилось в Париже.

Прим. 2. Фома Качура — рабочий, с.-р., стрелял в князя Оболенского, усмирявшего расстрелами, поркой и проч. крестьян Харьковской и Полтавской губ., где в 1902 г. произошли крупные аграрные волнения.

Прим. 3. Михайловский, Н. К. (1842 — 1904) — крупнейший теоретик народничества, яркий публицист, пользовавшийся громадным влиянием в рядах народнической интеллигенции в 70—90-х годах. В начале 70-х годов проповедывал в духе народнической идеологии о первенстве социальных задач над задачами политическими, а в апреле 1878 г. выпустил подпольный «Листок» чисто политического содержания и примкнул к народолюбцам, сотрудничал под псевдонимом «Гроньяр» в газете «Народная Воля», где поместил свои «Политические письма социалиста», призывавшие народников к политической борьбе, редактировал написанное народолюбцем Тихомировым известное письмо Исполнительного Комитета «Н. В.» к Александру III после 1 марта 1881 г. С 1889 г. по 1877 г. был идейным руководителем журнала «Отечественные Записки», а с 1894 г. до смерти стоял во главе народнического журнала «Русское Богатство». В целом ряде своих литературных работ («Герои и толпа», «Что такое прогресс» и др.) доказывал исключительную роль в истории «критически мыслящей личности», развивая «субъективный метод в социологии». В 90-х и в начале 900-х годов вел ожесточенную полемику против марксизма.

Прим. 4. См. «Искра» № 24, прим. 1.

Прим. 5. Юзефович, Б. М. — известный крайний реакционер, не брезговавший в борьбе с революционным и оппозиционным движением никакими средствами, вдохновитель погромов, доносчик и пр.

Прим. 6. Мирабо, Онорэ Габриэль Викетти — крупный деятель эпохи Великой французской революции, сначала энергично выступавший против привилегий дворянства, потом продавшийся королевскому двору и поддерживавший монархию.

Прим. 7. Заграничный Союз с.-р. — группа молодых народолюбцев, возникшая в 1894 г., издававшая газету «Русский Рабочий» (всего вышло 11 №№ по февраль 1898 г.) и брошюры «Социализм и борьба за политическую свободу», «Наши задачи» и брошюру П. Л. Лаврова «Из рукописи 90-х годов».

Прим. 8. «Рабочая партия политического освобождения» — организация с.-р., существовавшая в Минске в 1897 — 1900 гг.

Прим. 9. Лавров, П. Л. (1829 — 1900) — известный писатель, один из основоположников и виднейший представитель революционного народничества — ученый, социолог и философ, автор «Опытов истории мысли», «Исторических писем», пользовавшихся в 70-х годах широкой популярностью, и других произведений. В 60-х годах был преподавателем математики и физики в артиллерийской академии в Петербурге. После покушения Каракозова на Александра II в 1866 г. был арестован и сослан в Вологодскую губ., откуда бежал в 1870 г. за границу. Здесь он примкнул к I Интернационалу и участвовал в борьбе Парижской Коммуны в 1871 г. В 1873 — 1876 гг. редактировал, по поручению петербургского кружка чайковцев, журнал и газету «Вперед». Лавров написал свою брошюру «Русский социально-революционный молодежь», в которой отстаивал точку зрения полготовки более или менее длительной революции путем пропаганды социализма в крестьянстве. Во второй половине 70-х годов «Вперед» группировал вокруг себя умеренные элементы революционного народничества, для которых и Лавров оказался слишком левым, и в 1876 г. он вышел из редакции «Вперед».

После раскола общества «Земля и Воля» (1879 г.) Л. отказался примкнуть к партии «Народная Воля» и принял в 1880 г. участие в органе чернопередельцев. Но в 1883 г. он сблизился с народолюбцами и вместе с Л. Тихомировым редактировал «Вестник Народной Воли» (до 1885 г.). П. Лавров был проповедником «субъективного» метода в социологии и доказывал, что прогресс в истории происходит под влиянием «критически мыслящих личностей».

Прим. 10. Ткачев, П. Н. (1844 — 1885) — революционер, писатель, привлекался по «нечаевскому» делу. В 1872 г. эмигрировал за границу. С 1875 г. по 1881 г. выпускал в Женеве сначала газету, а потом журнал «Набат», написал брошюры: «Задачи революционной пропаганды», «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» и др. Ткачев был ярким сторонником захвата государственной власти путем заговора. Осуществить этот захват власти может лишь строго дисциплинированная централизованная партия революционеров, которая «должна, с одной стороны, готовить захват власти наверху, с другой — народный бунт внизу». Ткачев, вслед за Бакуниным, доказывает в своем «Открытом письме г-ну Фр. Энгельсу», что Россия стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, так как русский народ «в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения, он... коммунист по инстинкту, по традиции».

Прим. 11. См. «Искра» № 26.

Прим. 12. «Жизнь» — сначала легальный журнал, называвший себя марксистским, но по существу эклектического характера. На нем отразился идейный разброд того времени в среде марксизма. Статьи русских «ревизионистов» занимали в этом журнале значительное место. Издавался в 1901 г. под редакцией Поссе и в том же году, 8 июня, был закрыт «совещанием четырех министров»: Сипягина, Победоносцева, Муравьева и Ванновского. Такой же эклектический характер имел и нелегальный журнал «Освобожденная Жизнь», издававшийся по инициативе Поссе и В. Д. Бонч-Бруевича с апреля по декабрь 1902 г. за границей в значительной мере на средства Г. А. Кукулина. В журнале «Освобожденная Жизнь» печатались произведения В. Д. Бонч-Бруевича, Поссе, Дебагория-Мокриевича, Соскиса, Плохоцкого (польского социалиста), Августа Бебеля, Лягарделля, Тана, Тахтарева («Петербургец») и др. Вокруг этого журнала с осени 1901 г. создавалась называвшая себя социал-демократической организацией, издававшая помимо журнала «Жизнь», «Листки Жизни» и «Библиотеку «Жизни».